

ДОБРОЕ ДЕЛО

ИЯР 5771

56

МАЙ 2011

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

ШАВАУТ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

От всего сердца поздравляем вас с Днем дарования Торы, праздником первых плодов.

Желаем благополучия и процветания, чутко относиться друг к другу, нести свет знаний, заключенных в Торе, народам мира!

Председатель Правления
Михаил Блюмберг

Генеральный директор
Анатолий Кесельман

Праздник Шавуот, отмечаемый 8 июня, имеет пять значений.

Праздник недель

"Шавуот" означает "недели". Со второго дня праздника Песах и до начала праздника Шавуот отсчитывают семь недель. Пятидесятый день — это Шавуот.

Клятва

Название праздника связано с клятвой, которую дали евреи, принимая Тору, и клятвой Б-га Своему народу о том, что Он никогда не заменит его другим народом.

Праздник первых плодов

В этот день начинаются приношения Всевышнему первых семи плодов: винограда, инжира, олив, фиников, гранатов, пшеницы и ячменя. Радость сбора урожая сочетается с радостью принятия Торы.

Хар акацир — Праздник жатвы

Праздник напоминает ПРИНОШЕНИЕ НОВЫХ ДАРОВ. Это приношение состояло из двух хлебов из только что собранной пшеницы, которые символизируют Устную и Письменную Тору, одновременно данные в Шавуот.

Время дарования Торы

В этот день Б-г открыл Себя всему Израилю и дал основные ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ. Израиль принял их и все законы Торы, традиции и объяснения. Это было дано Моше за 120 дней его пребывания на

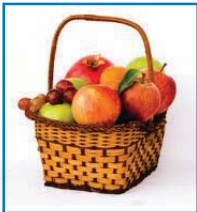
горе Синай, которые состояли из трех периодов по сорок дней и ночей (для получения Первых Скрижалей, которые были разбиты, для молитвы о прощении народа и для получения Вторых Скрижалей). Письменная Тора (Пятикнижие Моисея) была записана Моше под диктовку Всевышнего. А Устный Закон (Мишна и Гемара) потом записали мудрецы.

Тора была дана шестого сивана, но ее принятие продолжалось все дни года. "Каждый день ты должен читать слова этой Торы, как будто они новые" — как будто ты принял ее только сегодня.

Ацерет — Праздник торжественной встречи

Этот праздник символизирует приобщение к истинному Завету не только евреев, но и представителей других народов. В этот день в синагоге читают также Мегилат Рут. Рут — моавитянка, перешедшая в еврейство, стала прабабушкой царя Давида.

Праздничная трапеза в Шавуот включает молочную и мучную пищу: сыр, творог, сметану, блинчики с творогом, пироги, коврижки с медом, вареники, пирожки, блины с сыром. Этот обычай берет начало с того дня, когда вернувшиеся в лагерь от горы Синай евреи довольствовались молочной пищей. С тех пор на Шавуот перед обедом едят молочное и лишь потом в отдельной посуде подают мясные блюда.

Традиции старые, времена новые

К 5-летию создания БФ "Хесед Шаарей Цион"

Как сказал один умный человек, раньше многие люди тоже жили плохо. И по этой невеселой причине Одесса издавна славилась еврейской благотворительностью. Так, уже через год после основания города появилось «Общество истинной благотворительности». Со временем благотворительность приобретала самые различные, жизненно необходимые для людей формы.

Достойный памяти и тот факт, что каждый более или менее состоятельный

известный в Одессе еврей считал для себя необходимым в меру своих возможностей заниматься благотворительной деятельностью.

В начале XX века в городе было уже несколько десятков самых разных благотворительных организаций, помощь которых нуждающиеся в ней могли получать на всех этапах своей

жизни. Характерным для еврейской благотворительности в Одессе было и то, что ею зачастую пользовались люди других вероисповеданий.

Ныне, в новые времена, в новых социальных и экономических условиях эти давние традиции, заложенные нашими предками, продолжает Благотворительная Фундация "Хесед Шаарей Цион", созданная пять лет назад.

Окончание на стр. 2

22 июня 70 лет назад

Зенитная батарея на Соборной площади. 1941 г.

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...

(Сводка Главного командования Красной Армии за 22 июня 1941 г.)

Участники и малолетние тогда современники трагичных событий помнят, пришедшие в этот мир позже — должны знать.
Продолжение на стр. 5

А. Кесельман
"Традиции старые, времена новые" 2 стр.

Благодарность и память 3 стр.

Уроки языка идиш 3 стр.

Наша гостиня 4 стр.

22 июня 70 лет назад 5 стр.

Ростислав Александров "Записка Миши Япончика" 6-7 стр.

Вера Инбер "Место под солнцем" 8 стр.

Михаил Гаузнер "Сима, Иосиф и Надежда" 9 стр.

Семен Липкин "Записки жильца" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 73740-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Традиции старые, времена новые

К 5-летию создания БФ «Хесед Шаарей Цион»

Начало на стр. 1

Эта статья — не отчетный доклад и не итоговая информация, но на некоторых аспектах деятельности БФ «Хесед Шаарей Цион» за пять лет ее существования нужно остановиться.

Думаю, что стоит начать с программы «Уход на дому». Специалисты нашего Социального отдела посещают на дому и в больницах 1058 клиентов, в том числе 200 человек, поставленных на обслуживание за пять месяцев текущего года. Все они обеспечиваются полноценным патронажным уходом, им оказывается действенная медицинская и социальная помощь.

Весьма значима программа «СОС», потому что она, как при кораблекрушении, приходит на помощь тем, кто в нынешнем беспокойном житейском море оказался в критической ситуации. В первую очередь это относится, конечно, к тем, кому срочно понадобилось лечение. Потому и получают у нас помощь сотни человек, которым оплачивается стоимость медикаментов, необходимых для лечения в условиях стационара, препаратов для химио- и специальной терапии и прохождения дорогостоящего медицинского обследования. К сожалению, материальные возможности программы ограничены. Тем не менее, более десятка одиноких неимущих людей получили возможность бесплатного протезирования зубов, несколько клиентов, перенесших острый инфаркт миокарда, были направлены нами в санатории. Не секрет, что изготовление ортопедической обуви, корсетов и др. входит в обязанность государства, но, с учетом реальной ситуации, мы приняли на себя и эти расходы.

Конечно, жизнь наша многообразна и медицинскими проблемами не ограничена. Потому в рамках этой программы довелось разрешать и самые насущные бытовые вопросы. К примеру, в квартирах некоторых клиентов мы устанавливали новые газовые плиты, поскольку старые давно пришли в негодность, что, помимо неудобств, крайне опасно. Помимо плит, ставили отопительные и водонагревательные котлы, чтобы впервые за несколько лет люди могли зимовать в теплых квартирах, обеспеченных горячей водой. Программа «СОС» приходит на помощь и закупает уголь для тех, кто до сих пор живет в домах с печным отоплением, потому как нельзя человеку, тем более пожилому, мерзнуть в своем собственном доме. Равным образом лежачим больным крайне важно иметь удобную постель, и некоторым из них мы заменили давно выслужившие свой срок старенькие кровати новыми диванами. Когда же выяснилось, что нескольким клиентам негде хранить продукты, мы выдали им в безвозмездный прокат новые холодильники. И это еще не все, но основное, что делается по программе «СОС» для облегчения жизни и сохранения здоровья наших клиентов.

Нужно сказать, что медицинскую помощь им оказывает не только эта программа. В программе «Медицина» каждый квартал до трех тысяч наших клиентов оформляют рецепты, по которым они бесплатно получают лекарства в аптеках фирмы «Фармация», с которой мы успешно сотрудничаем.

Ныне Хесед — единственная общественная организация, которая регулярно оказывает социально-бытовую и психологическую помощь нетрудоспособным, тяжело больным, одиноким и пожилым людям на дому. И не случайно, что наша благотворительная организация

неоднократно становится победителем городского конкурса на лучший социальный проект.

Увеличение объема благотворительной помощи стало возможным за счет дополнительно привлекаемых ресурсов и развития волонтерского движения. Больному человеку, кроме ухода и лекарств, часто требуются инвалидные коляски, ходунки, костыли и многое другое. По программе «Прокат реабилитационного оборудования» его получают практически все нуждающиеся в нем наши клиенты.

Мы убеждены в том, что никто из тех, кто нуждается в помощи, не должен быть обойден ею, какой бы специфичной она ни была. Исходя из этого принципа мы снабжаем слабослышащих слуховыми аппаратами, слабовидящих — очками.

Только помимо разностороннего медицинского обслуживания для благополучия каждого человека крайне важно питание. Клиенты Хеседа уже привыкли посещать супермаркеты фирмы «Копейка», где по своему выбору бесплатно приобретают продукты по пластиковым карточкам Хеседа, что оказалось очень удобным. Малообеспеченным клиентам, которые одиноки и ограничены в передвижении, продуктовые наборы доставляются на дом.

Помощь бывает самой разной, и в определенный момент кто-то в чем-то остро нуждается. Не все могут оплатить различные работы и услуги, которые постоянно или эпизодически требуются в быту. Поэтому всегда востребован комплекс услуг, оказываемых службой помощи пожилым людям «Мокед Лакашиш». По договорам с различными фирмами клиентам Хеседа бесплатно ремонтируют часы, обувь, бытовые электрические приборы, стирают белье. Множество самых разных работ для клиентов выполнено золотыми руками наших волонтеров.

Правда, можно хорошо видеть, хорошо слышать, быть сытым, спать на хорошей постели, носить исправную обувь и, тем не менее, постоянно ощущать дискомфорт из-за наступившего с годами одиночества, трудно переносимого человеком и пагубно сказывающемся на его физическом и психическом здоровье. Потому-то и открыты «Теплые дома», где регулярно собираются наши клиенты, где в полной мере ощущается ничем не заменимое тепло человеческого общения. И очень далеко добираться не нужно, поскольку «Теплые дома» имеются во всех районах города. Роль «Теплых домов», кроме других добрых дел, играют и филиалы Хеседа в Балте и Белгороде-Днестровском.

Преодолеть одиночество клиентам Хеседа помогает и Дневной центр, что, зачастую, целительно не менее лекарств. В Дневном центре можно посмотреть видеофильмы, послушать хорошую музыку, поговорить на животрепещущие темы, спеть, почитать стихи, заняться вышивкой и аппликацией, словом, кому что интересно. Немаловажно и то, что посетителям Дневного центра предоставляют двухразовое питание.

Но, как известно, не хлебом единым жив человек. И то, что зал Культурного центра Хеседа никогда не пустует, подтверждает эту

давнюю истину. Сюда приходят, чтобы приобщиться к еврейским традициям, сразиться в шахматных баталиях, померяться мастерством в новом клубе любителей домино «Дубль шесть», получить на дом книги в библиотеке, совершенствовать свое поэтическое, песенное, танцевальное мастерство, прикоснуться к забытым страницам истории Одессы, наметить маршруты туристических походов... А по воскресеньям здесь, что называется, общий сбор, потому что множество людей приходят на концерты, презентации новых книг, встречи с композиторами и писателями... И постоянно здесь рождается что-то действительно новое, поистине увлекательное и, без сомнения, полезное.

Не все наши клиенты могли регулярно посещать мероприятия Культурного центра. Но обо всем, что там происходило, регулярно рассказывала газета «Доброе дело». Более того, и это не менее важно, она постоянно дает нашим клиентам возможность быть в курсе всех событий и новостей в жизни Хеседа.

Для наших клиентов зачастую остаются, как говорится, за кадром, некоторые службы, без которых, однако, деятельность Хеседа невозможна.

Так, все грузовые и пассажирские перевозки, а также все складские операции выполняет отдел логистики. Незримая для клиентов, но совершенно необходимая для функционирования всех программ и служб Хеседа, оперативно работает служба электронной обработки, сохранения и предоставления информации.

Цифры зачастую бывают красноречивее слов. В настоящее время Хесед оказывает помощь 6307 клиентам в Одессе и области, в числе которых 259 участников боевых действий, 840 участников войны, 416 бывших узников гетто и нацистских концлагерей, 13 Праведников народов мира, 3313 пострадавших от нацизма, 410 детей.

Мы помогаем всем этим людям и стараемся, чтобы наша помощь становилась как можно более эффективной и разносторонней.

Как я уже упоминал, в супермаркетах и аптеках города введено обслуживание клиентов Хеседа по пластиковым карточкам. Создано отделение Хеседа в соседнем с нами Измаиле.

А сейчас в кардиологическом отделении городской клинической больницы №3 за счет привлеченных средств проводится ремонт двух палат для клиентов Хеседа. Некоторые одинокие люди в знак благодарности за получаемую помощь оставляют нам свои квартиры, которые со временем станут основой для создания пансионата для проживания одиноких клиентов, нуждающихся в постоянном уходе и обслуживании.

Как говорят ученые, самое главное — это вовремя поставить задачу. Задачи оборачиваются планами, планы подлежат реализации. А время, жизнь и обстоятельства постоянно выдвигают новые требования. Будем работать.

Генеральный директор БФ «Хесед Шаарей Цион»
Анатолий Кесельман

Анатолий Кесельман

Благодарность и память

По долгу совести, по праву памяти, по давней, доброй, незыблемой традиции в Культурном центре Хеседа прошли мероприятия, посвященные Дню Победы. На одно из них были приглашены бывшие узники гетто и нацистских концлагерей и Праведники народов мира.

Открыл встречу Генеральный директор БФ «Хесед Шаарей Цион» Анатолий Кесельман, который от имени администрации и сотрудников поздравил всех, кто пришел в Культурный центр, чтобы отметить День славной Победы, принять поздравления и самые добрые пожелания. «Если бы Красная Армия не разгромила орды оголтелых фашистов, — сказал он, — никого из присутствующих не было бы ни в этом зале, ни на этой

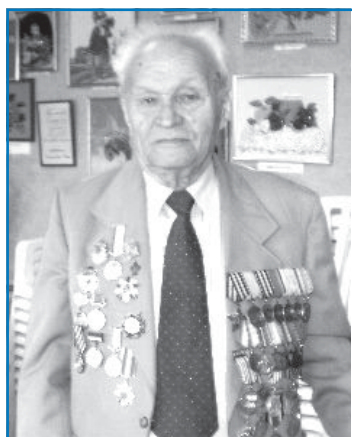
Выступает ансамбль «Кохавим»

евреев — бывших узников гетто и нацистских концлагерей Роман Шварцман и директор программ «Джойнта» в Белоруссии, Молдове,

Михаил Заславский, бывший узник, фронтовик Владимир Колчинский. Отпраздновали День Победы и участники клуба «Фронтвое

М.Блантера «Катюша». И весь зал дружно подхватывал песни, которые с чувством исполняли Ирина Александровская, Иосиф Жеребкер, Зорий Харлампида. И увезли с собой гости фотографии на память об этой волнующей встрече на земле, 63 года назад освобожденной от фашизма.

Дню Победы была посвящена и воскресная программа, в которой тепло встреченные зрителями выступили хоровой коллектив Хеседа (руководитель Валентина Ульяш), гости из музыкальной школы имени профессора П. С. Столярского — Никита Вихарев и Евгений Переплетчик, солистка Одесской государственной филармонии, лауреат Международного конкурса Анна

Узник фашистского концлагеря, ветеран войны Михаил Заславский

Узница гетто Роза Хасина,

Праведник народов мира Василий Волошин

Праведник народов мира Надежда Гнатюк, узник фашистского концлагеря Семен Штаркман

Узник гетто Виктор Сабулис с супругой Софьей Писанюк

земле. Не было бы и нас, родившихся после войны. И мы всегда будем благодарны Победителям и завещаем эту благодарность нашим детям, а они, уверен, передадут ее следующим поколениям, потому что подвиг сроков давности не имеет».

О доблестных наших воинах, которые принесли освобождение узникам гетто и концлагерей, о неопикуемых страданиях тех, кто злой волей фашистских оккупантов оказался там, говорили в своих выступлениях Председатель Одесской региональной ассоциации

восточной, северной и южной Украины Шира Гениш, Праведник народов мира Василий Волошин, Праведник народов мира Надежда Гнатюк и спасенный ею узник, впоследствии ставший ее мужем, Семен Штаркман, бывшая узница гетто и концлагеря Роза Хасина.

От имени тех, кто после освобождения из концлагерей и гетто весной 1944-го ушел на фронт и отомстил фашистам за смерть родных, близких друзей и ровесников, выступил бывший узник, кавалер ордена Славы

братство». Боевых товарищей тепло приветствовал председатель клуба Григорий Елисаветский, фронтовые песни для ветеранов, пели Мальвина Владова, Иосиф Жеребкер, Дора Рацен, Таисия Зборовская, Николай Михайлуца.

На вечер в Романтической гостиной пришли свыше двадцати гостей из Израиля и Соединенных Штатов Америки, которых встретили песней «Шалом, мой друг, шалом». А потом все вместе танцевали под памятную многим с давней юношеской поры песню

Слободяник, ансамбль «Кохавим» («Звезды») Еврейского культурного центра «Бейт Гранд» (художественный руководитель Биана Занчуковская), ученица 4-й музыкальной школы Кети Джиджавадзе (солистка ансамбля «Светень»), волонтеры солисты Ирина Александровская, Яков Фукс, которым аккомпанировали Анна Розен, Инна Шафир.

Так праздновали в Культурном центре День Победы. Благодарность и память остается!

Анна Розен

שפוקי יאזקא ודיש

Урок 5

Род существительных. Единственное число

Род существительных в единственном числе можно определить:

1) по определенному артиклю:

דער זיידע [дэр зэйдэ] — дед (артиклъ דער [дэр] указывает, что существительное муж. рода)
די באבע [ди бобэ] — бабушка
דאָס קינד [дос кинд] — ребенок

2) по форме прилагательного, которое относится к существительному:

דער גוטער טאָג [дэр гутэр тог] "добрый день". Суффикс прилагательного [-эр] указывает на принадлежность прилагательного к мужскому роду; суффикс прилагательного [-э] указывает на принадлежность существительного к женскому или среднему родам, например:

די שלעכטע נאַхט [ди шлэхтэ нахт] плохая ночь

דאָס שלעכטע יאָר [дос шлэхтэ йор] плохой год
3) по соответствующему личному местоимению:

ער — דער טיש [эр — дэр тиш] (он — стол)
זי — די רעדע [зи — ди рэдэ] (она — речь)
עס — דאָס פלייש [эс — дос флэйш] (оно — мясо)

4) по окончанию существительного:

окончание -ער [-эр] указывает на мужской род, а -קע [-кэ] — на женский
דער שרייבער [дэр шрайбэр] — писатель
דער אמעריקאנער [дэр амэриканэр] — американец
די לערערקע [ди лэрэркэ] — учительница
די אמעריקאנקע [ди амэриканкэ] — американка

К мужскому роду относятся :

Названия одушевленных предметов мужского рода, например:

מאַן [ман] — мужчина

ברודער [брудэр] — брат

טאַטע [татэ] — отец

Названия месяцев, дней недели, времен года, большинства праздников, например:

Месяцы

יולי	июль	יאנואר	январь
אויגוסט	август	פֿעברואַר	февраль
סעפטעמבער	сентябрь	מאַרץ	март
אָקטאָבער	октябрь	אַפּריל	апрель
נאָוועמבער	ноябрь	מיי	май
דעצעמבער	декабрь	יוני	июнь

Дни недели

זונטיק	воскресенье
מאָנטיק	понедельник
דינסטיק	вторник
מיטוואַך	среда

דאָנערשטיק [дэноэрштик] четверг
פֿרייטיק [фрейтик] пятница
שבת [шбат] суббота [шабэс]

Времена года

פֿרילינג	весна
זומער	лето
האַרבסט	осень
ווינטער	зима

Отглагольные существительные без суффиксов, например:

от глагола טאַנצן [танцн] — דער טאַנץ [дэр танц]
от צופאַלן [цуфалн] — דער צופאַל [дэр цуфал].

Наша гостиная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

Дежурный по гостиной — начальник Отдела по социальному обеспечению Феликс Мильштейн

Уважаемые посетители «Нашей гостиной»!

Убедительно просим вас внимательно ознакомиться с материалами этого выпуска и в дальнейшем всегда посещать «Нашу гостиную», поскольку в последнее время произошли изменения в критериях обслуживания клиентов и в работе социальных программ Хеседа, о чем мы будем вас оперативно информировать.

Особое мнение

Мы можем делать

только то, что можем

В последнее время клиенты часто начали обращаться в Хесед с просьбой увеличить для них начисления на пластиковые карточки для оплаты медикаментов. Чаще всего эти клиенты — люди больные, одинокие, с очень маленькой пенсией. Именно поэтому они обычно обслуживаются Хеседом по 1-й категории нуждаемости.

Во 2-м квартале нынешнего года тем, кто имеет статус «пострадавший от нацизма» в соответствии с

действующими Критериями выделено около 1000 грн на оплату продуктов и медикаментов (что превышает размер их пенсии), а для тех, кто не имеет такой статус, — около 500 грн. Мы стараемся дополнительно оплачивать стоимость медикаментов тем, кто пребывает в больнице, выдавать талоны на бесплатную стирку белья и ремонт обуви, оплачивать стоимость ремонта различной бытовой техники, проводить патронажное обслуживание и делать для них еще многое другое.

Мы понимаем, что людям нужно помимо всех затрат еще и оплатить коммунальные расходы, мы видим, что цены растут практически на все, что продается, дорожает стоимость проезда в транспорте. Мы также хорошо понимаем, что даже при нашей помощи людям трудно, как говорится, сводить концы с концами. В то же время финансовые возможности Хеседа ограничены и с каждым годом уменьшаются, поскольку мировой экономический кризис не обошел стороной и наших спонсоров.

Так как большинство наших клиентов — люди малообеспеченные и не совсем здоровые, мы должны распределять помощь Хеседа справедливо и объективно.

Для этого каждый год до 1 апреля мы собираем информацию о материальном положении каждого клиента и на основании размера пенсии и заработной платы распределяем всех их по четырем группам (категориям нуждаемости): «критическая», «малообеспеченные», «среднеобеспеченные», «обеспеченные».

Для каждой категории нуждаемости устанавливается собственная «планка» дохода. Хотим заранее отметить, что в этом году нами был учтен фактический уровень инфляции. Поэтому новая «планка» доходов позволила большему по сравнению с прошлым годом числу клиентов Хеседа получать помощь по 1-й и 2-й категориям нуждаемости. Эта «планка» принимается коллективным решением Социальной комиссии Хеседа по представлению нашего учредителя. После этого Социальная комиссия утверждает

суммы для оплаты клиентам стоимости приобретаемых ими медикаментов и продовольственных товаров для каждой категории нуждаемости из расчета бюджетных возможностей Хеседа.

В дальнейшем эта сумма уже зависит только от категории нуждаемости клиента и не может быть изменена индивидуально ни куратором, ни администрацией Хеседа, ни Социальной комиссией. И она не может быть большей, чем у всех других клиентов с такой же категорией нуждаемости.

Вся работа Хеседа открытая и «прозрачная». Мы регулярно публикуем в газете «Доброе дело» и доводим до сведения каждого нашего клиента информацию об определении категорий нуждаемости и распределении в соответствии с этими категориями благотворительной помощи.

Если клиент Хеседа по какой-либо причине не согласен с определенной для него категорией нуждаемости, он может обратиться по этому вопросу в Социальный отдел через своего куратора.

Доска объявлений

Внимание!

Изменилась шкала определения категории нуждаемости. Напоминаем, что категория клиента определяется по его доходу. Для одинокого клиента доход состоит из суммы размера пенсии и заработной платы. Заработная плата учитывается только у клиентов, не достигших 70 лет. В семье доход определяется делением на два суммы пенсий и заработной платы обоих супругов.

С 1 апреля с.г. по 1-й категории нуждаемости обслуживаются клиенты, у которых доход не превышает 1000 грн, по 2-й категории — от 1001 до 1500 грн, по 3-й категории — от 1501 до 2000 грн, по 4-й категории нуждаемости — свыше 2000 грн.

Началась оплата стоимости медикаментов и пищевых продуктов по пластиковым карточкам за **2-й квартал (апрель, май, июнь)**.

Медикаменты

«Жертвы нацизма»:

- 1-я категория нуждаемости, одинокие (одинокая семья) и узники гетто — 330 грн, не одинокие — 300 грн;
- 2-я категория нуждаемости: одинокие — 300 грн, не одинокие — 280 грн;
- 3-я категория нуждаемости: одинокие — 240 грн, не одинокие — 220 грн.

«Не жертвы нацизма»:

- «Праведники мира» — 330 грн;
- 1-я категория нуждаемости (только одинокие, одинокая семья) — 100 грн.

«Магазин»

«Жертвы нацизма»:

- 1-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) и узники гетто — 670 грн, не одинокие — 570 грн;
- 2-я категория нуждаемости: одинокие — 430 грн, не одинокие — 380 грн;
- 3-я категория нуждаемости: одинокие — 300 грн, не одинокие — 250 грн.

«Не жертвы нацизма»:

- Праведники народов мира — 670 грн;
- 1-я категория нуждаемости: одинокие (одинокая семья) — 400 грн, не одинокие — 350 грн;
- 2-я категория нуждаемости: одинокие — 200 грн, не одинокие — 150 грн.

Внимание!

Кредитами в обеих программах можно воспользоваться только до 26 июня. Не использованные клиентами деньги на 3-й квартал не переносятся!

Внимание!

Во 2-м квартале для оплаты медикаментов действует «Лекарственная корзина» 2010 года.

Внимание!

Напоминаем, что клиенты Хеседа, которые до 1 апреля не представили справки о размере пенсии и заработной платы, автоматически переведены в 4-ю категорию нуждаемости («обеспеченные») и потеряли право на оплату Хеседом стоимости медикаментов и продовольственных товаров, а также на патронажное обслуживание.

Клиенты, которые не представили справки о состоянии здоровья, потеряли право на оплату Хеседом стоимости медикаментов и продовольственных товаров, а также на патронажное обслуживание.

Клиентов, которые до 15 мая не подписали документы в соответствии с «Законом Украины об информации», мы были вынуждены снять с обслуживания. Подробности об этом Законе и о документах, которые требуется подписать, были опубликованы в предыдущем номере «Доброго дела».

Внимание!

Программа «Прокат реабилитационного оборудования» в настоящий момент испытывает острую нехватку ходунков и санитарно-технических комодов.

Убедительная просьба к клиентам, которые взяли в прокат такое оборудование, но сейчас им не пользуются, срочно вернуть его в Хесед, поскольку в нем остро нуждаются тяжело больные люди.

22 июня 70 лет назад

Юрий Усыченко Пляжи, опустевшие в воскресенье

С моря Одесса видна издалека. Город взобрался высоко на обрыв, которым завершаются степи юго-запада нашей страны. Раннее солнце, выходя из-за моря, освещает город снизу вверх, как бы подсвечивая Приморский

Думская площадь

бульвар, Потемкинскую лестницу, темную в утренней дымке листву прибрежного парка.

Проходит несколько минут, и июньское солнце из румяно-алого становится желтым, а затем раскаленно-бледным и заливает горячими лучами Пересыпь с ее заводами, доками, гулом и грохотом рабочих улиц, башни элеватора, корабли и суда в порту. Город просыпается — неумный, гулкий, живущий полной и радостной жизнью.

Рано поутру заполняются пляжи. Знаменитые одесские пляжи, которые тянутся на десятки километров. Множество людей собирается здесь, особенно в воскресенье.

Но в тот июньский воскресный день было иначе.

Ночь с субботы на воскресенье — с 21 на 22 июня 1941 года — выдалась тихая. Волны открытого моря были пологими и длинными, глаз не улавливал их, ощущалось лишь, как могучая сила мерно поднимает хрупкое суденышко, затерявшееся в предутренней темноте. Лишь утром, когда рассвело, примерно в четыре — полпятого, откуда-то, очень-очень издалека, прилетел непонятный раскатистый гул — будто само море вздохнуло глубоко и жалобно. Вздох этот был еле слышен, на него не обратили внимания, а кто обратил — сразу забыл о нем и вспомнил лишь несколько часов спустя.

Флотилия рыбаков на фелюгах, шаландах и яликах под веслами с вечера вышла на промысел. Бычок и глосик — маленькая, с ладонь, камбала — брали хорошо. Часов в семь-восемь, когда кончается настоящий клев, начали собираться домой. "Заработал" утренний бриз — "горишняк" по-местному — и весело наполнил тугие, распятые рейками паруса.

Берег был все ближе — залитый солнцем воскресный одесский пляж.

— Братцы, что же это?!

Голос, резко прозвучавший в застывшей тишине утра, был таким, что рыбаки, оставив свои думы, глянули вперед, на берег.

Он был пустынен, одесский пляж, в воскресенье 22 июня 1941 года.

На все километры вправо и влево — ни одного человека.

Палевые, буро-красно-желтые скалы нависали над берегом. Море шелестело волнами, постукивало, перекатывая серые гладкие голыши, нагретый воздух был настоян на запахе чебреца и полыни, томном и горьком, как запоздалое счастье. И все это — привычное, виденное не однажды, теперь казалось неузнаваемым, странным, настороженным.

Так — в первую секунду. Потом стало слышно, как звенят на городских улицах трамваи, гудят автомобили, что-то доносится из больших, с черными раструбами и длинной шеей, громкоговорителей, висевших на центральных перекрестках гроздьями — по две-три штуки. И в голосе радиотруб, и даже в звонках трамваев слышалось что-то тревожащее.

Забыв о своих посудинках, об улове, которому отдали всю ночь, рыбаки цепочкой, один за другим, и почему-то стараясь ступать след в след, устремились вверх по натопанной мозолистой тропке, взбегающей на гребень обрыва.

Валентин Герцман Одесса

Пляж опять опустел.

Зимой 40 — 41-го мне было пятнадцать. Я учился в 8-м классе 478-й московской средней школы. В то время мы (я и мама, Евгения Иосифовна) еще жили на Воронцовской, дом 13, кв. 13, в нескольких шагах от Таганской площади, недалеко от музея Маяковского. Отец, Лазарь Ильич, отбывал восьмилетний срок в Каннских лагерях по 38 ст. «за антисоветскую агитацию». Мы, мальчишки, собирались «кучками» во дворе и вели бесконечные разговоры о политике, о войне в Европе. «Когда же мы вступим?». Это не были пустые разговоры, мы с любопытством наблюдали за возведением деревянных, обитых жестью массивных щитов перед окнами полуподвалов. Строились бомбоубежища. Одним словом: «В воздухе пахло грозой...».

Наступили летние каникулы. Мама решила отправить меня в Одессу к ее подруге детства еще по Первой женской гимназии, что когда-то была на улице Дерибасовской. Я очень любил Одессу и был настроен на отличный отдых. Но и здесь было беспокойно. Еще в поезде я слышал разговоры о том, что намечаются маневры Одесского военного округа... Ранним воскресным утром 22 июня я вышел из Матусиного дома, что на улице Марата, чтобы отправиться на 8-ю станцию Большого Фонтана на дачу к дяде Ананьчику — брату моей бабушки Сони, урожденной Шпильберг. В то время доктор Шпильберг был одним из самых знаменитых одесских терапевтов. Уже при выходе из дома я обратил внимание на часовых в касках с винтовками, стоявших перед небольшим старинным двухэтажным особняком по ту сторону улицы (позже я узнал, что это был штаб Одесского военного округа). А потом уже из окон трамвая я с любопытством разглядывал бесконечно тянувшуюся колонну грузовиков с вооруженными солдатами, тоже в касках. Кузова были покрыты ветками для маскировки.

Приморский бульвар

Войска двигались в том же, что и трамвай, направлении, то есть на запад. «Маневры начались», — подумал я.

Мы сидели на веранде, был прекрасный солнечный день, типичный для одесского лета. Пили чай, дядя Ананьчик и тетя Соня о чем-то говорили... Было около двенадцати. Вдруг прибегает сосед по даче: «Сейчас будет выступать по радио Молотов с важным сообщением!» Мы все поспешили за ним... Услышали... Ужаснулись... Оказывается, уже была война! «Вот тебе и маневры!» — подумал я.

С последним поездом, которому удалось благополучно доехать до Москвы, я вернулся домой. На этом закончились мои летние каникулы сорок первого. Кстати, тогда в Одессе я в последний раз видел своего дедушку, Иосифа Фаермана, маминго отца. Как мы потом узнали от его соседей, он не хотел эвакуироваться, был арестован и, по всей видимости, погиб в одном из немецких концлагерей.

Марк Габинский Война началась с тишины

Я родился в сентябре 1932 года в Одессе, в семье врачей. Жили мы без особых потрясений и войны не ждали. Но дети моего возраста уже застали гражданскую войну в Испании, и, как и все, мы очень переживали за республиканцев. Я хорошо помню, что в городском саду стояла карта Испании, и на ней красными и черными шнурами отмечалось положение фронтов. Нам всем тогда уже внушали, что наш злейший враг — фашистская

Германия. Как мы тяжело переживали поражение республиканцев, я хорошо помню.

Жили мы как все. Папа преподавал в мединституте, до которого от нашего дома было очень близко. Он вначале работал хирургом, но потом стал преподавать анатомию, был доцентом. А мама работала в кардиологической клинике на Ланжероне, ее учителем был знаменитый врач Александр Маркович Сигал, которого я хорошо помню.

Жили в чисто одесской обстановке, в коммунальной квартире в Рождественском переулке, сейчас он называется переулком Сеченова, угол улицы Баранова. Это такой удобный район, откуда близко и до центра, и до окраин, и до порта.

Пушкинская, 12

Мы считали, что коммунальный образ жизни — абсолютно нормальный, поэтому, когда в 1949 году я оказался на учебе в Ленинграде, спросил у своей квартирной хозяйки: «А где ваши коммунальные соседи?» И так, помню, сильно удивился, когда узнал, что она живет одна. Думал: да как же такое возможно?!

Первые три дня войны я до сих пор помню очень отчетливо. Мой

папа захотел, чтобы я за два года окончил три класса. Это была его большая ошибка, я считаю, что не нужно торопиться жить, но все-таки выполнил его просьбу, поэтому тем летом я перешел в четвертый класс.

Папа меня за это обещал наградить, и помню, как я ему надоедал с просьбой купить мне сверлильный станок, я тогда очень любил мастерить разные вещи: скворечники и всякое такое. И вот как-то в «Пассаже» я увидел в продаже сверлильный станочек и стал его упрашивать: «Ну когда же ты мне его купишь?» Летом мы выезжали жить на дачу мединститута, и вот утром 22 июня мы наконец-то пошли покупать мне этот станочек.

Часов около двенадцати вышли с дачи, шли по аллее, и мне еще, кстати, показалось, что как-то уж непривычно тихо... Проходим мимо одной калитки, которая и сейчас там стоит, и вдруг из нее выходит наша соседка Раиса Львовна и говорит нам: «Вы знаете? Война!» Причем сразу мы поняли, что это не какая-то там финская война, которая где-то далеко, а что-то гораздо страшнее... Мы сразу развернулись и пошли обратно. Включили радиоприемник, а там как раз выступал Молотов...

Папу почти сразу должны были забрать в армию, поэтому мы стали думать, как переехать с дачи в город. Очень четко помню, как 22-го сидели все вместе на террасе вечером, думали, что же нам делать, и слышали, как стреляет артбатарея на 8-й станции Фонтана...

23-го с трудом нашли подводу и переехали в городскую квартиру, а вечером — тревога. В подъезд сбежался весь наш дом, но в тот день немцы не бомбили, мы только видели, как самолеты стреляли трассерами, а первая бомбежка города была только 22 июля.

24 июня проводили папу на вокзал, ему надо было явиться в свою часть в город Комрат. Но еще 23-го вечером, то есть на второй день войны, я отлично помню, что мы с ним остались вдвоем, мама была на дежурстве, и он мне, девятилетнему мальчику, сказал почти дословно: «Вы должны обязательно отсюда уехать, вполне возможно, что немцы займут город, а они всех евреев поголовно убивают...»

И наконец нам для эвакуации выделили теплоход «Абхазия». Вот что значит ребенок не понимает всей тяжести положения: пока мама занималась погрузкой детей на грузовики и послала за мной бабушку, я в это время в подвале менялся с одним мальчиком марками...

1 августа нам подали грузовики, которые должны были нас отвезти в порт, и с тех пор как мы на них садились, у меня в ушах стоит крик бабушки: «Мара, Мара, давай скорее, мы уезжаем...»

Ростислав Александров

Нет худа без добра, или Записка Миши Япончика

В одесской тюрьме была когда-то школа грамотности. И это было как нельзя кстати, поскольку многие из тех, кто обитали в этом, как написали Илья Ильф и Евгений Петров, «доме из красного кирпича, к окнам которого по странному капризу архитектора привинчены толстые решетки», в первую очередь малолетние уголовные, были неграмотны. Но иногда им требовалось расписаться, написать прошение, жалобу, письмо домой или записочку товарищам по несчастью, как это делал, к примеру, Миша Виноцкий, он же Миша Япончик, кого одни потом держали за «короля налетчиков», другие – за одесского Робин Гуда, третьи – за командира сформированного им «54-го советского пехотного полка им. тов. Ленина», которого летом 1919 года без суда и следствия, как последнего урку, «разменяли» на железнодорожной станции Вознесенск. И каждый был по-своему прав.

Историю жизни этого человека так долго и сознательно перевирали, запутывали и наполняли нелепостями, а один, считавшийся историком, договорился до того, будто бы Япончик всего лишь «кино-литературный персонаж, созданный в послереволюционное время», что теперь многие факты его биографии приходится расчищать и пытаться сложить воедино, как археологи склеивают обломки давно расколотой посуды, будь то дорогая чернолаковая ваза древних греков или простой горшок-корчага, в которой скифы держали воду. Только недостающие фрагменты археологи заменяют гипсовыми вставками, а честные историки – словами «пока неизвестно». По свежим же следам некоторыми реалиями много ближе других к истине оказался Исаак Эммануилович Бабель, развернув действие своих «Одесских рассказов» о Бене Крике, в котором многие земляки-современники узнали Япончика, во второй половине 1900-х годов.

После потемкинских событий и еврейского погрома 1905 года в Одессе начался такой разгул преступности, какой за всю свою жизнь не помнили ни поседевшие на сыскной работе полицейские чины, ни посидевшие в тюрьмах уголовники-ветераны.

В Одессе, равно как и в других городах, раньше тоже не жили одни только честные

люди и уголовного элемента испокон веку хватало. Но теперь за какую-нибудь неделю в ней происходило то, на что раньше и месяца не хватило бы. Ограбили контору мельницы Ф.Олова и Л.Дурьяна, расположенную в собственном, ныне уже не сохранившемся доме на Тираспольской, 37. Ни за что ни про что убили владельца фабрики белой жести на Куяльницкой дороге совсем еще не старого инженера Михаила Григорьевича Левина. Смертельно ранили в порту городского Мефодия Губаря, однофамильца известного одесского историка Олега Иосифовича. Обокрали квартиру французского вице-консула Луи де ла Тур на Канатной, 36, откуда унесли носильные вещи, столовое серебро и... восемь бутылок французского шампанского знаменитой марки «Вдова Клико», которые он берег для какого-нибудь торжественного случая.

В начале вполне, вроде, благополучного августовского дня 1907 года в квартиру известного далеко за пределами Одессы профессора каллиграфии Адольфа Исидоровича Коссодо на Дерибасовской, 19, позвонили какие-то парень и девушка, которые попросили привратника проводить их к профессору, якобы для того, чтобы передать ему письмо из Николаева, – заранее прознали, наверное, о его тамошних родственниках. Коссодо вышел к ним из классной комнаты и пригласил в кабинет, где они тотчас потребовали у него полторы тысячи рублей, необходимых им «для пользы всего анархистского дела». Услышав, что таких денег у него нет, девушка сказала, что они найдут за ними ровно через два часа, а парень, не выбирая выражений, рассказал человеку, который ему даже не в отцы, а в деды годился, что ожидает его и жену в случае отказа.

После этого парочка спокойно спустилась по лестнице и уже вышла из парадного, но тут случилось непредвиденное, потому что, как известно, Бог все видит: навстречу шел посыльный из типографии, который нес Коссодо заказанные им распечатки прописей для уроков чистописания. Посыльный этот сразу узнал

парня, совсем недавно вымогавшего деньги у его хозяина, и поднял крик: «Анархист! Жулик! Вымогатель! Держите его!». Мгновенно выскочил дворник и кликнул городских, которых на Дерибасовской особенно искать не нужно было. Девушка перебежала мостовую и скрылась в воротах огромного проходного дома Вагнера на

Дерибасовской, 16, откуда можно было уйти на Екатерининскую и Ланжероновскую. А ее спутник, опережая городских, успел свернуть на Екатерининскую и, отстреливаясь, начал уходить в сторону Греческой. До большого никелированного браунинга этот босяк не дорос и палил из давно отстрелявшего свое нагана. Тем не менее, он едва не подстрелил проходившего здесь испанского консула Эрнеста Фрейре. Добежав до Греческой улицы, а потом до Красного переулка и по нему до угла Полицейской, нынешней улицы Бунина, преследуемый заскочил там в бакалейный магазин в доме Попандопуло под №34.

По-видимому, он надеялся попасть оттуда во двор и спрятаться где-то в темноватых и запутанных коридорах расположенной там второразрядной гостиницы «Берлин», но в магазине его схватили и привели в Бульварный полицейский участок на Преображенской, 44. А там быстренько выяснили, что он есть не кто иной, как Евгений Шумахер, 19-ти лет, бывший ученик Одесского художественного училища, год назад уже проходивший по делу анархистов, но отпущенный за отсутствием улик.

На этот раз за уликами далеко ходить не нужно было. В то тревожное время Одесса еще подчинялась «Правилам о местностях,

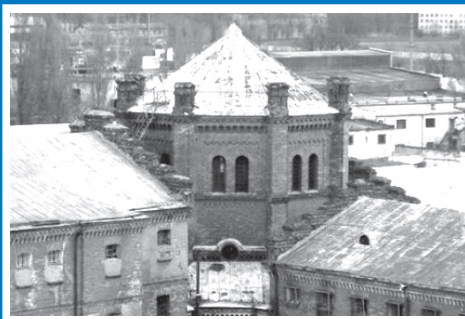
объявленных состоящими на военном положении». А потому уже через десять дней Одесский военно-окружной суд, заседавший на Софиевской, 19, признал его «виновным в

участии в сообществе, поставившем целью своей деятельности насильственное изменение в России установленного основными законами образа правления, в покушении на разбой, учиненный по предварительному с другими лицами согласию, в двукратном вооруженном сопротивлении чинам полиции, находившимся при исполнении служебных обязанностей и сопровождавшимся покушением на убийство этих чинов». Формулировка обвинения длинной была, а приговор коротким: смертная казнь через повешение.

Его и повесили темной августовской ночью, через положенные 22 минуты сняли с виселицы и там же закопали на участке тогдашнего Стрельбищного поля метрах в семистах от пересечения теперешних улиц Ицхака Рабина и генерала Петрова. А ведь могло все сложиться по-другому. Ходил бы на этюды, рисовал бы с гипсов головы древнегреческих богов, копировал бы творения классиков и переносил бы на холст очарование обнаженной натуры. Если же мало показалось бы, так нашел бы себе какое-нибудь увлечение более чистое и честное, нежели уголовщина под маркой анархизма.

Михаил Виноцкий
(Миша Япончик)

Одесская тюрьма

Старая Молдаванка

Летом того же 1907 года хозяину кожевенного завода на Московской, 50, Владимиру Александровичу Параскева вымогатели прислали, как они называли, мандат, по сравнению с которым документ, сочиненный Беней Криком, «Многоуважаемый Рувин Осипович! Будьте настолько любезны положить к субботе под бочку с дождевой водой...» представляется образцом эпистолярного жанра: «Мандат гражданину Проскева. Группа анархистов коммунистов требует с вас 1000 рублей для более широкого развития и для борьбы снежным правительством и противнеками нашей группы. Премичаней в случай адказа или ареста или завета полиций то группа анархистов коммунистов приговаривает вас к неминуемой смертной казни а имущество кразрушинею посредством атцких машин деньги или смерть». После этого, с позволения сказать, текста, напечатанного, однако, на пишущей машинке, для пущей убедительности, красовался неумело нацарапанный череп с костями. Никаких денег Параскева им тогда не дал, и дело на том, вроде бы, закончилось, но через пять месяцев, в три часа дня, 13 октября, та или какая другая компания «сделала налет» на контору его завода.

Это, вообще, был сумасшедший день. В 13 часов случился налет на так называемую монополю, то есть казенную винную лавку на Тираспольской, 15, где продавали водку, в 17 часов у проходившего по улице артельщика городской Управы отобрали деньги, предназначенные для расчета с рабочими-строителями, через час такое же сотворили с его сотоварищем, в 21 час «взяли» кассу небольшого винно-гастрономического магазина в Куликовском переулке, в 22 часа ограбили квартиру содержателя бакалейной лавочки на улице Божакина. Занимались этим местные анархисты, скатившиеся до обычной уголовщины, и уголовники, бездарно игравшие идейных анархистов. Те и другие громко именовали себя «Анархисты-индивидуалисты», «Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов», «Молодая воля». «Пересыпская группа анархистов-коммунистов», «Свободная коммуна» «Черные вороны». «Черная вуаль», «Черный заряд», «Черное знамя». И, что самое мерзкое, прикрываясь высокими словами о всеобщем равенстве и справедливости, они втягивали в свои грязные дела молодых людей, одним из которых, скорее всего, стал шестнадцатилетний Миша Виницкий.

В августе и октябре 1907 года, вооруженный стареньким револьвером системы Лефоше, он совершил разбойные нападения: на мучную лавку, расположенную на Балтской дороге, 58, и квартиру в Базарном (нынешнем Ониловой) переулке, 22, первое с двумя, а второе с тремя сообщниками, которые вскоре стали его поделщиками. Судя по показаниям некоторых молодых людей, задержанных в то же время, он мог участвовать и в других подобных делах, но доказали лишь упомянутые два, которых вполне хватило для того, чтобы Михаила Виницкого, «рождения 1891 года, роста среднего, телосложения правильного, волосы и брови черные, лицо прыщеватое, состояние умственных и физических сил нормальное, еврей, ученик-одеяльщик, холост, жительствовавший при родителях на Болгарской, 36», приговорили к 12 годам тюремного заключения и то лишь потому, что на момент совершения преступлений ему не исполнилось семнадцати лет. В противном случае Мише, как говорится, светили бы каторжные работы, а так он посидел до февральской революции и был освобожден по амнистии.

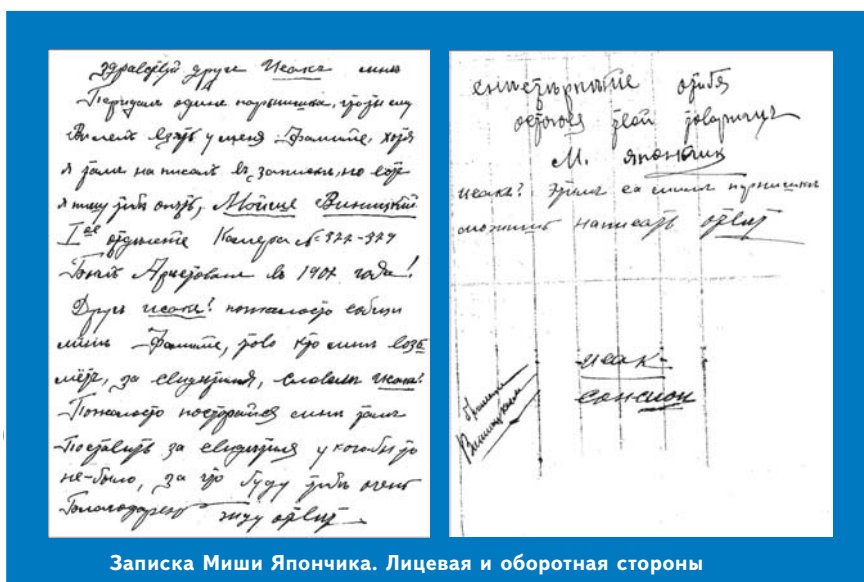
Он отбывал свой срок в Одессе, но в начале лета 1910 года до него, похоже, дошло, что его собираются перевести в тюрьму другого города, а это ему вовсе не хотелось. Оставаясь в Одессе,

можно было хоть иногда получать передачи, иметь свидания с родными и, вообще, родные стены всегда помогают, пусть они даже тюремные, если других пока не имеется. Сам ли Миша уразумел или кто из более опытных арестантов подсказал, что, если он будет проходить свидетелем по какому-либо делу, то на некоторое время еще останется в Одессе. По давно «изобретенному» и ненадежно работающему «тюремному телеграфу» от одного арестанта к другому об этом узнал и пообещал помочь пребывающий в ожидании суда двадцатилетний сын запасного рядового Исаак Дзенцион, после чего Виницкий запиской сообщил ему свое имя, фамилию, время ареста и номер камеры. Но случился, по-видимому, какой-то сбой, и 8 июня он вынужден был написать еще одну записку, которую через оконную решетку бросил на прогулочный дворик. Этот способ связи использовался с давних пор, а вот на сей раз

кружилась в воздухе, как осенний лист, а камнем упала, с ошибкой надписал плохо расслышанную им фамилию «Исаак Сонсион» и заклеил размоченным хлебным мякишем, след которого еще сохранился.

Но не хлебом единым интересна эта записка. Во время досудебного следствия Миша числился малограмотным, заявления и прошения за него писал кто-то из сокамерников, а он подписывал их рукою человека, рука которого привыкла держать иголку, ложку, стакан, даже револьвер, но только не перо. За три же года отсидки он, конечно, грамотеем не стал, но, судя по записке, не без помощи, наверное, кого-то из более просвещенных арестантов научился подписываться принятой им кличкой и почерк приобрел разборчивый и довольно беглый. И этот почерк, если его по правилам графологии «порасспросить» и по ним же «выслушать», может многое «рассказать», как почерк каждого человека.

Прямые, не опускающиеся и не поднимающиеся к концу строки, практически одинаковое расстояние между словами, более или менее равное количество связей и разрывов между буквами, ровный и умеренный по силе нажим, аккуратные подчеркивания у б е д и т е л ь н о свидетельствуют об уравновешенном характере. При этом не исключены всплески эмоций, на что указывает то, что

Записка Миши Япончика. Лицевая и оборотная стороны

подвел. Записка упала аккуратно у ног наблюдавшего за прогулкой арестантов тюремного чина, после чего Миша стал уже свидетелем только собственной неудачи. Но не бывает худа без добра, которое может объявиться даже через много лет после этого самого худа.

Записка пошла по разным инстанциям, после была аккуратно подшита к делу, вместе с ним оказалась в областном архиве, где и попала мне на глаза сто лет спустя. И теперь можно увидеть и прочитать единственную дошедшую до нас написанную Михаилом Виницким бумагу, в точности печатанную здесь за исключением старинной буквы «ять», которую не «рисует» компьютер:

Здравствуй другъ Исакъ мне
Перидалъ одинъ парънишка, что ты ему
Вилелъ взять у меня Фамилие, хотя
я тамъ на писал в записке, но вот
я пишу тебе опять, Мойше Виницкий
1ое отделение Камера №377 – 379
Былъ Аристованъ въ 1907 года!
Другъ Исаакъ? пожалосто собщи
мине Фамилие, тово кто мне возъ-
метъ, за свидетиля, словом Исакъ?
Пожалосто посторайся мне тамъ
Поставить за свидетиля у кого-бы то
не-было, за что буду тебе очень
Благодарен

Жду ответ

снистерпение отибя
остоюся твой товарицъ
М. Япончик

Исаакъ? Этим са мимъ парнишке
можшишь написать ответ

Виницкий написал это послание чернилами на двух сторонах листочка бумаги размерами 13 x 9,5 см с едва заметными горизонтальными печатными и вертикальными карандашными линейками, который, похоже, есть не что иное, как четвертушка страницы какой-то конторской книги, сложил вдвое, потом втрое, чтобы не

одинаковый по всему тексту наклон букв вправо в словах «снистерпение отибя» и следующих за ними исчезает, поскольку острое чувство этого «снистерпения» мгновенно сказалось на почерке. Другие графологические признаки, характерные для почерка Япончика, позволяют считать его человеком, который в обращении с людьми мог согласиться на компромисс, проявить мягкость и сочувствие и в то же время неуступчивость, требовательность и резкость. Ему присущи были честолюбие, обостренное чувство собственного достоинства, желание как можно полно заявить о себе, как у людей, которые, глядя на других, если не говорят, то думают: «Вы еще за меня узнаете!» Он был достаточно осторожен, прямолинеен и бесхитростен.

Последнее я уже однажды слышал. Много лет назад один почтенный старожил Молдаванки, которого я хотел «разговорить на воспоминания», назначил мне встречу в винном погребе на Мельничной улице, где, понизив голос до безопасного шепота, доверительно сообщил, что «если бы Миша таки был хитрее, то непременно сделался бы героем с гражданской войны», отхлебнул из стакана и добавил: «Совсем как Гриша Котовский, с которым я пил, прямо как сейчас с тобой» — мы с ним уже были на «ты».

Что же касается оценки грамотности Япончика, то никакая графология тут не нужна. Он писал, как говорил, говорил, как писал, и делал это почти так, как безвестный автор мандата для господина Параскева, потому что оба они «в гимназиях не обучались», ни в расположенной на месте нынешней Одесской государственной академии холода на Дворянской, 1, частной мужской, учрежденной Николаем Константиновичем Илиади, которую оканчивал писатель Лев Славин, ни в казенной Ришельевской на Садовой, 1.

Вера Инбер

Место под солнцем

Повесть двадцатых годов

Начало в №46

Вторая наша программа была удачнее: она состояла не из одной вещи (опыт показал нам, что это слишком рискованно), а из нескольких. Она была построена по принципу непроницаемых отсеков судна. Возможная неудача всей программы локализовалась отдельными самостоятельными номерами.

Но сначала о Граме: Грам внезапно развернулся пыльным цветом, и я почти не узнавала его. Этот холодноватый и насмешливый человек, выбиравший себе «любимых девушек» с точки зрения продовольствия, которое они могли ему предложить, этот умелый рассказчик анекдотов и любитель поспать с каждым днем утрачивал свою насмешливость и свою сонливость.

Первая же неудача уколола его: сначала медленно, потом все быстрее и быстрее с него сползло его безразличие, его ленивенькая, холодноватая шкурка. Под ней открылся подлинный жар и умение работать. Он превзошел самого себя, он следил за всем и за всеми. Он ослепил нас разносторонностью своих талантов: он дерзал даже на хореографические постановки. На одной из репетиций совершенно неожиданно он встал на носок правой ноги, а левую отвел назад, в воздух. Руки его были простерты вперед, а клетчатая куртка, сшитая из пледа, приобрела упругость паруса. Он был в коротких брюках и суконных обмотках.

— Раз, два, три, — сказал он. — Потом вы поворачиваетесь вправо, и снова — раз, два, три — уже в эту сторону. Поняли? Когда я скажу «и», начинайте.

Танцующая пара выполнила его требование, и все увидели, что он прав.

Используя пребывание товарища Покорного на французских и английских заводах, Грам придумал ему прекрасный выход с пением на басовых нотах: песню старого матроса, пересыпанную иностранными словами. На женщин Грам начал смотреть с точки зрения их полезности «Созэпу», и даже Анеле, прекрасной Анеле, он сказал:

— Вы здесь для того, чтобы играть, а не разводить улыбки.

И Анеля заиграла, потому что была далеко не бесталанна.

Вся наша труппа, вся семерка заболела любовью к «Созэпу». Это была настоящая любовь, с нежностью, с порывами страсти, с ревностью к другим театрам, с бессонными ночами и самозабвением. Достаточно было взглянуть на жену Грама, нашу костюмершу, когда она, бледная от вдохновения, непричесанная и неумытая, вдвухала жизнь в старые отцветшие тряпки.

Она одевала нас необычайно, и костюмы ее обладали только одним недостатком: сшитые всегда наспех и в крайней экзальтации, они были непрочны. Они жили один вечер, даже меньше. Иногда здесь же, на сцене, они распались на две половинки, и актер выпадал из своей одежды.

Бывало и другое: так как запасы ткани были до смешного незначительны, то жена Грама придумала делать костюмы только наполовину, на фасад, которым актер обращен к зрителю. Были такие счастливые роли, когда не нужно было поворачиваться.

— Вы поворачиваетесь? — это был кардинальный вопрос, интересовавший нашу костюмершу.

— Нет, не поворачиваюсь, — отвечивал вопрошаемый.

Но по ходу действия, увлеченный огнями рампы и волной сочувствия, плывущей из зрительного зала, актер все же поворачивался. И тогда зрители бывали потрясены разительным контрастом: роскошно одетая грудь — и спина, на которой перекрещивались бечевки.

Глава девятая

На главной улице города, в доме без вывесок, в большом, пустом и холодном окне затеплилась жизнь. Окно это пустовало два года. Трещина от метко пущенного камня или пули паутиной расплзлась по стеклу. За стеклом, внутри магазина, были пустота и разорение, на прилавке лежала бочка.

Теперь бочка была убрана, окно промыто. Там были разложены два куса мыла, мужские подвязки, копченая колбаса и альбом для открыток. Это было начало нэпа. По вечерам все эти предметы освещались кухонной лампочкой.

Облик города постепенно менялся: проступали если не прежние, то во всяком случае знакомые черты. Сначала робко, а потом все увереннее начали появляться вывески; на лицо города были наведены брови. Первый трамвай, неумело и нечетко останавливаясь на остановках, пошел по самой важной линии. На два часа в день начали давать воду во все этажи. И наконец — о радость! — в квартирах зажегся свет, хотя и не везде сразу. Город был разбит на районы, каждый район получал свет по очереди, и люди ходили вечером в гости туда, где было светло. Позже всего и труднее всего начинали работать лифты.

Менялся не только самый город, но и его обитатели. На смену сапогам шли хотя еще грубые, но уже башмаки, на смену платкам — шляпы. И, наконец, первая котиковая шубка поплыла по бульвару в светлый морозный день.

У профессоров завелись рукавицы, и их пальцы, защищенные от холода, увереннее держали кульки с академическим пайком. В переулке позади театра открылся первый ресторан.

«Созэп» приобрел новую публику. Она просачивалась неизвестно откуда. Это были родственники и друзья сотрудников и друзья их друзей. Раньше все было определено у нас в театре: аплодисменты, если они были, долетали к нам спаянные в один крепкий шум, словно град. Теперь все распалось на отдельные градины. «Очень мило», — произносили то тут, то там снисходительные голоса.

Неторопливые руки укладывались: левая вниз неподвижно, а правая наносила на нее легкие мазки одобрения. Это были аплодисменты.

Видя все это, товарищ Покорный томился.

— Ох и публика, ну и публика же пошла! — вздыхал он. — Вон один сидит в третьем ряду, вон платок вынул. Такой что хочешь сделает. Такой тебе и цветочки на сцену послать может в случае чего. Фиалочку в петлицу.

Сказал товарищ Покорный — и сбилось.

Неизвестные руки подали нам на сцену корзину — правда, не фиалок, но гортензий. Пышные, словно накрахмаленные, цветы были перевиты шелковой лентой, рыхлая земля прикрыта мхом. В цветах лежала записка: «Молодым женским дарованиям «Созэпа» от постоянного посетителя».

После спектакля вся труппа столпилась вокруг гортензий.

— Бездарные венники, — первым высказался Лева Симис. — Не сомневаюсь, что скоро будут придуманы новые цветы, основанные на понимании фактуры, а не на анархии природы.

— Недурная корзина, — одобрительно заметила жена Грама. — Мы выкрасим ее и сделаем каску для обозрения.

— Можно попытаться выменять ее на сметану, — сказал практический Грам, очевидно имея в виду наступающую масленицу.

— Это настоящая сказка, — воскликнула Анеля, — тем более прекрасная, что она посвящена женщинам!

Товарищ Покорный молчал.

В тот же вечер, выходя из театра, мы с Анелей наткнулись на толстого, розового человека в инженерской фуражке. Его добротное суконное пальто было распахнуто, из-под него выглядывал прекрасный костюм. Он стоял у фонарного столба и, очевидно, ждал нас.

— Ээ... простите, пожалуйста, — сказал он, и голос его был такой же выпуклый, как и глаза. — Я хотел бы... я чрезвычайно счастлив приветствовать молодые женские дарования «Созэпа», — и он расшаркался перед Анелей и мной. — Разрешите представиться: инженер Альберт. Может быть, слышали: Альберт, фабрика сельскохозяйственных орудий. Бывшая, конечно.

Анеля просияла, как роза, опрысканная дождем. Увидя эту улыбку, Альберт в свою очередь улыбнулся. Уверенно и спокойно он взял Анелю и меня под руки.

— Ну, я очень рад, что вы такие простые и милые, — сказал он. — По этому случаю мы немедленно, сейчас же, сию же минуту, отправляемся в кафе «Куб», здесь же, рядом, и заказываем блины. Мы заказываем блины, — перебил он меня, видя, что я собираюсь возражать, — и

три маленькие рюмочки рябиновой, которые мы пьем за нашу дружбу.

Потом все пошло очень быстро: черная холодная улица мелькнула поворотом, одним и другим. Сплошные темные здания как бы раздвинулись, давая место маленькому, очень теплому ярко освещенному окну. К этому окну полагалась дверь, и все это вместе представляло собой кафе «Куб» — первый ресторан периода нэпа.

У двери, на мостовой, сидела женщина с ребенком.

— Я голодная, я голодная, я голодная, — повторяла она глухо и монотонно.

В кафе «Куб» было тепло, в кафе «Куб» было светло, в кафе «Куб» играла музыка. «Миллион Арлекина» играла музыка — сладкий вальс-бостон. И этот миллион этого Арлекина растекался золотом по тарелкам и по стаканам. Хозяин кафе, подергиваясь легким тиком, расхаживал посреди столиков и бережно склонялся к посетителям.

Подойдя к нам, он дохнул нежным шепотом в ухо Альберта.

— Есть икра, — прошелестел он, — зернистая икра.

В углу на столе стояли поразительные вещи: красивые раки, посыпанные зеленью, серебристые кильки, свернутые на половинки яйца, окорок и апельсины в вазе.

Вдвенадцать часов дверь прикрыли наглухо, занавесили окна, скрипач вынул из кармана сурдинку, пианист прижал левую педаль, и виолончель притаила голос. С этого часа надо было стараться не производить шума.

Мы выпили три маленькие рюмочки рябиновой и принялись за блины. Я знала, что мне необходимо встать и уйти. Я вообще не понимала, почему я здесь, но я не могла перестать есть. Первый раз за много месяцев я ела такую необычайную и благоуханную пищу.

Сквозь туман блинов и музыки ко мне доносились слова инженера Альберта. Он говорил:

— У меня была фабрика сельскохозяйственных орудий, моя специальность — плуги, но по существу я поэт.

Я люблю театр, музыку, искусство. Театр близок мне. Я, прежде всего, эстет. Да здравствуют молодые женские дарования! (Он выпил рюмку вина.) Что я имею против советской власти? Ничего. Что можно иметь против идеи равенства, которая безусловно прекрасна? Рабочий тоже человек. (Он проглотил блин.) Тирира! — запел он вместе с Арлекином. — Но все это в будущем, мы еще не доросли до этого. Наша страна дика. Не думайте, что во мне говорит жестокость предпринимателя: я очень добр. В детстве я был до смешного добрый мальчик. Когда мучили кошку, я плакал. Мой отец говорил про меня: «Что вырастет из нашего мальчика? Наверное, мещанат». Как видите, он оказался прав, мой старик. Кушайте, не стесняйтесь. Человек, еще сметаны! — Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза, покачиваясь в такт вальсу. — Но, между прочим, я хотел сказать вот что: я хотел бы субсидировать ваш театр. Вы все очень талантливы, очень молоды, в вас столько огня. Но ведь вы, простите меня, просто дети. Вы сидите в подвале, в то время как вам надо быть на поверхности. Дайте мне вмешаться — и получится вместо забавы коммерческое дело. С вашей помощью, — обратился он к Анеле и ко мне, — мы сделаем такие, огого, дела! Однако позвольте... разрешите...

Он положил салфетку и прислушался. Какое-то движение прошло по всему «Кубу». Музыка сразу прервалась. Цветные бутылки на полке исчезли неизвестно куда, прямо под пол. Сквозь занавешенное окно стали доноситься какие-то голоса и шорохи. Стало совершенно ясно, что несколько человек окружили «Куб» и что они сейчас постучат.

— Облава! — простонал хозяин.

Насвтиснули в темный проход, холодный, пахнущий мышами и котами. Там мы стояли, прижавшись друг к другу, покуда в помещении кафе хозяйничали спокойные властные люди.

— В чем дело? — спросила Анеля недостаточно тихо. — Что такого мы сделали? Мы ели, пили, говорили о театре. Неужели нельзя говорить о театре? Вы же не против советской власти, вы сами сказали...

Окончание следует

Михаил Гаузнер

Сима, Иосиф и Надежда

Это был уже не первый разговор об эвакуации.

— Пойми, — говорил Иосиф, — в Одессе оставаться нельзя. Уже после «хрустальной ночи» в Германии стало ясно: фашисты ненавидят евреев, и вы тут не выживете. Моя любимая сестра и ваша маленькая Симочка мне

очень дороги. Услышь меня, Семен!

— Никуда мы не поедим! Я инженер, хороший специалист, знаю семь языков. Неужели ты думаешь, что дочь и жена мне менее дороги, чем тебе? Немцы — культурная нация и ценят образованных людей по крайней мере не меньше, чем малограмотные советские руководители. И хватит об этом, хочешь уезжать — уезжай, а мы остаемся.

Так Семен Хари, инженер-энергетик Одесской областной больницы, расположенной тогда на Слободке, решил летом 1941 года судьбу всей своей семьи. После взрыва подпольщиками румынской комендатуры на улице Маразлиевской он, как и несколько тысяч других мужчин-евреев, был повешен. А Берта Хари, ее мать и двухлетняя дочь вместе с десятками тысяч одесских евреев должны были по приказу от 10 января 1942 г. в двухдневный срок явиться в созданное на Слободке гетто.

По-видимому, иллюзий о том, что их ждет, у Берты уже не было — румынские оккупанты успели проявить себя достаточно явно, и евреи оказались совершенно беззащитными перед любым солдатом или просто мародером и хулиганом. Поэтому отчаявшаяся женщина сделала единственно возможный и правильный шаг. Она собрала все ценности, которые еще оставались, отдала их жене дворника областной больницы, на территории которой они жили, и умолила ее взять к себе и спрятать маленькую Симочку.

Где погибли Берта Рувимовна и ее мать — неизвестно: в перенаселенном голодном гетто или на Пересыпи, бредя к станции «Сортировочная» по колено в ледяной воде под сильнейшим морским ветром в 20-градусный мороз; в набитом до отказа товарном вагоне или в одном из лагерей уничтожения вблизи Доманевки.

А маленькая Симочка выжила. Дворник с женой ее крестили под именем Маргарита и своей фамилией, держали то ли в кухне, то ли в сарайчике, кормили обедами, но жизнь сохранили. Хотя могли и выдать — ведь люди проявляли себя по-разному. Одни брали у обессиленных людей, которых гнали колонной по Пересыпи, драгоценности и вещи, провозили их на подводах несколько сотен метров и сбрасывали, чтобы взять новых несчастных. Другие, рискуя жизнью, принимали вытолкнутых из той страшной колонны детей и прятали их в потайных местах. К сожалению, таких случаев было очень много.

Когда Одессу освободили, Иосиф Рувимович с красавицей-женой Надей, которая была моложе его на 19 лет, приехали одними из первых. Выпускник Горного института, посланный для получения высшего образования в Германию, владевший несколькими иностранными языками, инженер высокой квалификации, он был направлен начальником Областного управления промышленности строительных материалов, так необходимых для восстановления разрушенной Одессы.

Естественно, прежде всего приехавшие бросились на поиски своих родных и каким-то образом вышли на семью дворника. Радости не было предела — маленькая Симочка выжила! Это хоть немного притупило у Иосифа Рувимовича боль от гибели матери и любимой сестры, и он с женой начали оформление удочерения девочки (своих детей у них не было).

Однако все оказалось не так просто. Поиск документов, подтверждающих близкое родство, был делом сложным, т.к. архивы не сохранились. Семья дворника заявила, что Сима — их дочь, и предъявила справку об ее крещении под своей фамилией. Вскоре все стало ясно: они потребовали деньги, и немалые.

Иосифу Рувимовичу пришлось продать построенную им до войны и чудом сохранившуюся дачу на 10-й станции

Большого Фонтана и расплатиться за согласие на удочерение Симы — это было необходимо для оформления в райисполкоме. Но этим история не закончилась.

Одна из дочерей дворника нашла Симу у ее новых родителей, когда те были на работе, и сказала: «Это евреи, они пьют кровь маленьких детей. Быстро уходим домой, а то они тебя убьют!» Конечно, перепуганная пятилетняя девочка послушалась свою так называемую старшую сестру и убежала вместе с ней. Снова пришлось искать, нервничать и дополнительно платить.

Наконец, все благополучно завершилось. Симе объяснили, что она потерялась, жила у чужих людей, а теперь нашлись ее настоящие папа и мама. Хорошие условия жизни, благоустроенная комната, хоть и в коммунальной квартире (в разрушенной послевоенной Одессе Иосиф Рувимович не считал для себя возможным требовать большего), а главное — доброта и любовь, которых этот ребенок не знал, сколько себя помнил, сделали свое дело. Девочка начала приходить в себя, и из запуганного существа постепенно становилась веселым и непоседливым ребенком своего возраста.

Иосиф Рувимович много и успешно работал, занимаясь не только руководством предприятиями своего Управления, но и исследованиями. Прекрасное образование и разносторонние неординарные способности привели его к серьезному результату: он разработал способ и технологию производства заменителя кирпича из строительного мусора и обломков разрушенных зданий.

Это предложение стало решением проблемы производства стройматериалов не только в Одесской области, на территории которой нет глины — сырья для изготовления кирпича, но и во многих других регионах страны, ведущих восстановительные работы.

Работа Иосифа Рувимовича была настолько значительной, что ее представили на Сталинскую премию.

В 1949 году премия была присуждена и лауреата пригласили в Москву для ее получения. Обратившись в Одессу он не вернулся. Через некоторое время Надежду вызвали к следователю, который сообщил об аресте мужа, предъявил для опознания фотографии неизвестных мужчин и спросил, знакомы ли они ей. Оказалось, что Иосиф арестован как изменник Родины, обвиняется во встречах с американскими шпионами и передаче им сведений, содержащих государственную тайну.

Он получил восемь лет лагерей, а Надежда, окончившая до замужества Рижскую консерваторию, осталась вместе с Симой без средств существования. Первое время помогали родственники и друзья, потом она стала продавать то, что имело хоть какую-то ценность, и посылала Иосифу ограниченно разрешенные продовольственные посылки, не зная, получает ли он их. Затем прекратился основной источник помощи — двоюродный брат Надежды, известный харьковский профессор-терапевт Коган-Ясный, был арестован по «делу врачей».

В приеме на работу Надежде в разных местах отказывали. С большим трудом она устроилась в киоск «Союзпечать». Многие знакомые уговаривали отдать Симу в детский дом — ведь девочка ей не родная, а рассчитывать на скорое возвращение Иосифа не приходится. С такими людьми Надежда сразу прекращала отношения.

Прошло 6 очень трудных лет, Сима уже училась в десятом классе. Однажды днем раздался телефонный звонок, и мужской голос попросил позвать к телефону Надежду. Узнав, что мама на работе, он спросил:

— А сколько тебе лет, девочка?

— Шестнадцать.

— У тебя есть деньги?

— Нет.

— Одолжи у соседей, возьми такси и приезжай на угол Бебеля и пер. Грибоедова. Такси не отпускай. Никого ни о чем не спрашивай. К тебе подойдет мужчина, ты его узнаешь.

Сима одолжила у соседки деньги и приехала на указанное место. Там стоял какой-то небритый беззубый старик в ватнике, который посмотрел на нее и сдавленным голосом сказал: «Доченька!». Это был отец, которого она помнила элегантным красавцем.

До прихода матери с работы он успел вымыться, побриться и переодеться, но шока избежать все же не удалось.

Иосиф Рувимович старался не говорить о пережитом, но кое-что все же рассказал. Во время допросов ему переломали ребра, а когда он в бешенстве попытался запустить в следователя пепельницей, с ним случился первый инфаркт. Потом, уже в лагере, был еще один.

После смерти Сталина стало полегче, и он работал там инженером, а затем был полностью реабилитирован.

Через несколько дней после возвращения ему позвонил Михаил Матвеевич Пахомов, который раньше был его первым заместителем, главным инженером Управления, а после ареста — начальником, и пригласил его прийти на работу. Немного отдохнув, придя в себя, вставив зубы, Иосиф Рувимович с естественным волнением перешагнул порог своего бывшего кабинета. Пахомов обнял его и сразу усадил не на стул посетителя, а в свое кресло со словами: «Ваше место — только здесь!» Вскоре с подачи Пахомова Иосифа Рувимовича восстановили в должности начальника Управления. Так благородно поступали, мягко говоря, не все.

Недаром говорят, что работа — лучшее лекарство.

Иосиф Рувимович активно включился в исполнение своих прежних обязанностей. Он расправил плечи, к нему постепенно возвращалась его прежняя бодрость, жизнерадостность, уверенность в себе. Приходил на работу рано и выглядел в своем строгом костюме с неизменно белой рубашкой и галстуком помолодевшим.

Ежедневно в первый утренний час он просил его не беспокоить: просматривал почту, обдумывал решения возникающих проблем, задания подчиненным и только потом приглашал секретаря.

Так продолжалось почти восемь месяцев. Однажды утром он был необычно весел, даже провальсировал с Надеждой под музыку из радиоприемника, с улыбкой поехал на работу и, как обычно, работал с документами.

Но через час, как всегда бывало, вызова не последовало. Когда прошло еще полчаса, секретарь рискнула заглянуть в кабинет и увидела, что начальник спит, положив голову на руки. Такого с ним не случалось никогда. Это был инфаркт, третий, но смертельный. Говорят, что такой смертью умирают праведники.

Надежда дождалась до весьма преклонного возраста. Дочь, с которой она все годы провела вместе, узнала о своей истории только после смерти матери, найдя в ее документах выписку из решения исполкома об удочерении. Родственники в ответ на ее вопросы вынуждены были рассказать правду, объяснив свое многолетнее молчание данным Иосифу и Надежде словом.

Сима и теперь продолжает жить в Одессе. У нее прекрасный муж, любящий сын, невестка, два замечательных внука. О событиях своего детства она старается не вспоминать — слишком тяжело.

В этом очерке намеренно не названа фамилия его основных героев. Имя Симы в действительности тоже не такое — она не хочет быть узнаваемой, не хочет лишних вопросов и выражений сочувствия.

В сегодняшней непростой жизни многие считают, что возврат к описанным здесь темам и событиям несвоевременен и их не нужно вспоминать.

Мудрые люди говорили: «Кто не помнит прошлого — обречен на его повторение». Наши дети и внуки должны знать о тех страшных годах и сделать все, чтобы они не могли повториться.

З а п и с к и ж и л ь ц а

Семен Липкин

Начало в 44

Слово "лекция" он произнес с "э" обратным. Костя продолжал, испытывая удовольствие от беседы:

— Надо вам заметить, что мы, большевики, противники эксов (Факир кивнул, показав, что понял сокращение и понимает большевиков), вообще противники террора. Это методы эсеров, у которых превозносится предводитель и презираются слепо ему повинующиеся исполнители. Герой и толпа.

— Извините, что вы кончили? — прервал Костю Факир. Костя досадливо отбросил его слова тонкой, слегка дрожащей рукой:

— Какое это имеет отношение к делу? Я ушел с третьего курса Политехнического. Институт подождет, а революция ждать не может.

— А я думал, что вы юрист, как ваш папа. Замечательная личность. Он буквально спас одного нашего хлопца от буржуазного суда.

— Налеты служат только вашему личному обогащению. Вино, женщина, красивая одежда. А дальше что? Между тем вы и ваши друзья вышли из трудового народа, вы социально близки рабочему классу. Я предлагаю вам стать на правильный путь, помочь делу пролетариата.

— Как помочь? Экспроприацией экспроприаторов? Или всей хеврой вступить в большевистскую партию?

— Помочь деньгами.

— Много вам нужно?

— Сто. На первых порах.

— Сто — чего?

— Сто тысяч.

Глаза Факира загорелись весело, разбойно.

— Размах — залог успеха. Кто просит сто рублей, тот, простите за выражение, дерьмо. А тот, кто просит сто тысяч, уже напоминает мне человека, и он достоин удачи. А удача, как известно из книг для чтения по истории средних веков, перед мальчиками ходит пальниками, перед зрелыми людьми ходит белыми грудями. Итак, я узнал, что вы просите. А что вы даете?

— Одного сознания, что вы — вместе с бойцами за великое дело, вам, конечно, мало?

— Мало.

— У меня есть полномочия предложить вам на выбор: либо "Косарка" вольется в ряды Красной Армии, превратится в особый полк, а вы будете назначены командиром полка, пойдете воевать с белыми за советскую власть, либо вам будет предоставлен пост заместителя председателя районного Совета Романовки.

— А что во втором случае получают мои соотечественники?

— Они получают возможность честно трудиться, никто этих товарищей не попрекнет прошлым.

— Мало.

— Чего вы хотите?

— Когда придет Красная Армия, вы нам дадите три дня спокойно поработать в городе. А потом мы будем вместе бить белых или черных.

— Я изложу ваши условия комитету.

— Иначе и быть не может. Без Гринева ничего решить нельзя. А он не дурак, если понял, что нам надо быть вместе. Скажите ему, что я доверяю комитету, но голый бенемунес меня не устраивает.

— Объяснитесь.

— Как только мы договоримся, всему городу уже сейчас (вы это умеете делать) должно стать известно, что

большевики заключили соглашение с "Косаркой", что наши налеты вовсе не налеты, что они служат общему делу партии.

— Вы имеете в виду соглашение о ста тысячах?

— Нет. Денежные расчеты всегда немного грязные. Соглашение чисто идейное. Выпустим совместную листовку. Сочинить ее можете сами, а подписываем и вы и мы. А что касается ста тысяч, то вы их получите у господина Назароглу. Расписка Гринева как следует, по форме. Между прочим, если деньги нужны вам на предметы первой необходимости, то кое-что можете со скидкой приобрести у меня: японские карабины, германские лимонки, американские кольца.

Гринева был доволен. Группа, чтобы стать политической партией, нуждалась в деньгах. Ведь когда-то Ленин, объяснял своим сотоварищам Гринева, чтобы пополнить партийные фонды, поощрял налеты большевика-грузина, абрека Сталина, на кавказские банки, и теперь, продолжал Гринева, этот Сталин очень близкий Ленину человек.

Когда город заняла Красная Армия (эту кратковременную эпоху мы называли "вторые большевики"), "Косарка" превратилась в особый полк. Ее даже одели лучше, чем других, во все новое. Факира не обманули (большевики всегда пунктуально выполняют свое слово): его назначили командиром полка. Потом, на фронте, выяснилось, что бывшая "Косарка" держится обособленно, воюет неохотно, склонна к грабежу и насилиям, а командир потворствует бандитским настроениям, дискредитировал малоопытного комиссара, направленного в полк, подбив его на участие в грабеже. Полк был расформирован в районе Бирзулы, Факира по приговору ревтрибунала расстреляли. Такая же участь постигла его ближайших сподвижников. Что стало с остальными — неизвестно.

При вторых большевиках, захвативших город после французов и петлюровцев, Помолов был назначен председателем губчека. Учреждение поместилось в многоэтажном красивом доме на Александровской площади, в которую вливалась улица того же названия. На площади на высоком и узком постаменте вот уже столетия возвышался бюст Александра II. Бюст свалили, он был заменен изваянием головы Карла Маркса. Со стороны улицы голова выглядела пристойно, но сзади было нечто голое, неприличное, будто весь южный город-озорник, нагнувшись и спустив штаны, решил показать новой власти, как он к ней относится.

В доме, который заняла Чека, был прежде банк Жданова. Его вместительный подвал с зарешеченными, в земле прорубленными окнами пригодился карательному органу революции: здесь устроили внутреннюю тюрьму. Влево от дома, если смотреть на него со стороны Александровской улицы, простирался, слегка наискосок, широкий мост над нижним этажом города, над портовой улицей. По этому мосту арестованных везли вниз, где на спуске к морю помещался единственный в нашем городе гараж. Почему-то считалось, что расстрелы не должны быть слышны, они производились под автомобильный вой.

Людей расстреливали не потому, что они были врагами революции, а потому, что они могли ими стать.

Раньше подвал банка наполнялся деньгами, бумажными, металлическими. Теперь — живым человеческим веществом, чтобы превратить его в мертвое, недвижимое. Выпьем мы за того, кто писал "Капитал", за идеи его, за его идеал.

Близорукий, нескладный Костя Помолов, одержимый бесребреник, стал грозой города. Воры сочиняли о нем

песни, полные ужаса и восторга. По его приказу убивали фабрикантов, банкиров, купцов, священников, домовладельцев, директоров гимназий, чиновников, посетителей ночных ресторанов, монархистов, кадетов (выходцев из социалистических партий тогда не брали).

Не миновала беда и дом Чемадуровой. Случилось это так.

Скорняк Беленький, страстный враль, чья утомительная божба всегда содержала ассиро-вавилонскую седмицу, почему-то спал не дома, как все люди, а на подоконнике в парадной, спал не раздеваясь, накрытый предназначенной для продажи шубой. Почему этот далеко не бедный человек, искусный ремесленник, отец семейства, известный своей деловой сметкой, спал в парадной? Соседи говорили разное. Одни уверяли, что у него дурная болезнь и жена выгоняет его по ночам из дома. Им возражали: что же, весь день она его терпит, ест с ним за одним столом и только ночью, не стыдясь детей, заставляет его спать на подоконнике в холодной парадной, без одеяла и простынь? А если он пристает к ней ночью, то разве она не может от него запереться? Тем более что их старший сын Маркус — здоровый альбинос — не даст свою маму в обиду. В конце концов находили правильный ответ: ему просто нравится спать в парадной. Наши соседи понимали то, чего не хотели понимать марксисты: человек непостижим, постичь его почти невозможно, надо дать ему жить.

В темную большевистскую ночь к нам в дом вступили трое вооруженных и предъявили дворнику Матвею Ненашеву свой мандат. Один из троих остался в неосвещенном подъезде, а двое других в сопровождении дворника начали производить обыск в квартирах. Старшим был матрос (дворник потом говорил о нем: кацап), а помогал ему не кто иной, как Бориска Варгавтик, в новой кожанке и в сапогах.

Они выстукивали стены, ища спрятанные заграничные деньги, а главное — драгоценности. Вспоминали жильцы добродушие матроса. Мальчику, сидевшему во время обыска на горшке, он пожелал: "Сери, сери, завтра праздник". Отметим благородство Бориски: видно, по его настоянию чекистские посланцы миновали квартиру Ионкиса, бывшего Борискиного хозяина. Миновали и квартиру Помолова, но это само собой разумелось: отец председателя губчека мог не опасаться изъятия излишков. Не был произведен обыск и у Цыбульского: тот показал вошедшим к нему чекистам свой билет члена РСДРП(м). Тогда этот билет имел еще кое-какую положительную силу. Характерная для России неработанность механизмов огромной и пока еще неуклюжей государственной машины была людям на пользу.

Ни крупных драгоценностей, ни денег не нашли, но пригодилась хорошая одежда, белье, скатерти, портьеры, картины, серебряные ложки, ножи, вилки, посуда. Мадам Варути, у которой забрали последнее, не удержалась, крикнула: "Косарка" так не грабила!" — но Бориска, который лучше, чем она, знал, как грабила "Косарка", спросил ее: "Гражданка, вы хотите, чтобы мы и вас взяли вместе с вашими ложками?" — и мадам Варути замолчала. Дворник с лицом, безразличным от ненависти, тащил за чекистами реквизированное добро и складывал в подъезде возле того, третьего.

Именно с этой ночи изъятие излишков закрепилось в нашем городе — точнее, в его торгово-ремесленной части...

Если на рукоятку зубила натянута кусок толстостенного резинового шланга, то при работе исчезнут болезненные ощущения в руке, возникающие от вибрации.

На рукоятки различного инструмента можно надеть хлорвиниловые трубки. Для этого, чтобы трубка разбухла, ее нужно погрузить в ацетон на 15 минут, потом она легко надевается на рукоятки и, высохнув, плотно облегает их.

Засаленный абразивный брусок можно очистить мылом. Для этого нужно смочить брусок, натереть его мылом и заточить на нем какой-нибудь инструмент. После этого накопившиеся загрязнения легко удаляются мокрой тряпкой.

Сделай сам
Полезные советы
от заслуженного рационализатора
Украины
волонтера Григория Махлиса

Для того чтобы оконные стекла никогда не покрывались конденсированной влагой, нужно поставить между оконными рамами небольшой стакан, который на треть наполнен соляной кислотой.

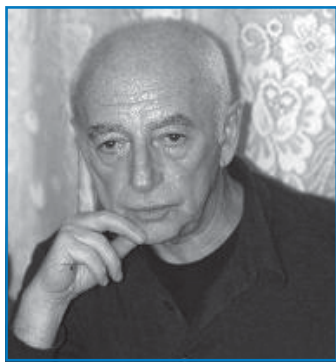
Груша смывного бачка будет плотно прилегать к его смывному отверстию, если внутрь ее вставить шарик для игры в настольный теннис.

Для того чтобы просверлить коловоротом несколько отверстий одинаковой глубины, на сверло нужно надеть металлическую трубку, которая будет служить ограничителем. Вместо этого можно наклеить на сверло полоску лейкопластыря, которая станет указателем глубины отверстия.

Засорившуюся сливную трубу (сифон) раковины или умывальника можно прочистить следующим образом: засыпьте в решетку трубы горсть соды; после того как она опустится в трубу, влейте туда половину стакана уксуса и через несколько минут промойте трубу водой. При необходимости процедуру можно повторить.

Страна Поэзия

Александр ГОРОДНИЦКИЙ
Родился в 1933 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский горный институт. Доктор геолого-минералогических наук, академик Российской академии естественных наук. Поэт, бард. Президент Ассоциации российских бардов. Автор поэтических сборников "Атланты", "Остров Израиль" и др.

Маяковский

Этот браунинг дамский в огромной руке!
Этот выстрел, что связан с секретом,
От которого эхо гудит вдалеке,
В назидание прочим поэтам!
Отчего, агитатор, трибун и герой,
В самого себя выстрелил вдруг ты,
Так брезгливо воды избегавший сырой
И не еввший немые фрукты?
Может, женщины этому были виной,
Что сожгли твою душу и тело,

Оплатившие самой высокой
ценой
Неудачи своих адюльтеров?
Суть не в этом, а в том,
что врагами друзья
С каждым новым становятся
часом,
Что всю звонкую силу поэта нельзя
Отдавать атакующим классам.
Потому что стихи воспевают
террор
В оголтелой и воющей прессе,
Потому что к штыку приравняли перо
И включили в систему репрессий.
Свой последний гражданский
ты выполнил долг,
Злодеяний иных не содеяв.
Ты привел приговор в исполнение —
до,
А не задним числом, как Фадеев.
Продолжается век, обрывается
день
На высокой пронзительной ноте,
И ложится на дом Маяковского
тьнь
От огромного дома напротив.

Вспоминая Фейхтвангера
По-весеннему солнышко греет
На вокзалах больших городов.

Из Германии едут евреи
Накануне тридцатых годов.
Поезд звонко и весело мчится
По стране безмятежной и чистой,
В воды доброго старого Рейна
Смотрят путники благоговейно.
Соплеменники, кто помудрее,
Удивляются шумно: "Куда вы?
Процветали извечно евреи
Под защитой разумной державы.
Ах, старинная кельнская площадь!
Ах, саксонские светлые рощи!
Без земли мы не можем немецкой, —
Нам в иных государствах —
не место!"
Жизнь людская — билет в лотерее,
Предсказанья — не стоят трудов.
Из Германии едут евреи
Накануне тридцатых годов.
От Германии, родины милой,
Покидая родные могилы,
Уезжают евреи в печали.
Их друзья — пожимают плечами.

Под зодиаками иными
Живет он много лет подряд,
Где кажутся глухонемыми
Те, кто по-русски говорят.
Не так ли некогда Овидий,
Свой горестный слагая стих,
Томился мукою, не видя
Вокруг читателей своих,
На склонах берегов суровых
Дуная — северной реки,
Что понимали с полуслова
Подтекст написанной строки?

Москву, Одессу или Питер
Вернет ли он когда-нибудь?
Ежеминутно рвутся нити
И увеличивают путь.
Но будет исцеленье ранам,
Мой неулыбчивый собрат.
Горит закат над океаном,
А рукописи не горят.

И будет отзвук этой лире,
Пока волна у ног звенит,
Пока в подлунном нашем мире
Жив будет хоть один пиит.

Юрию Михайлику*

Поэт, оторванный пространством
От собственного языка,
Судим не может быть пристрастно, —
Его дорога нелегка.

*Юрий Михайлик — поэт,
прозаик, журналист. Жил в Одессе, с
1993 г. — в Австралии.

Детский уголок

Борис Заходер

Все зима...
А где же лето?
Звери, птицы!
Жду ответа!
— Лето, —
Ласточка считает, —
Очень скоро прилетает.
Лету нужно торопиться,
И оно летит, как птица!

— Прилетает? —
Фыркнул Крот. —
Под землей оно ползет!
Говорите,
Скоро лето?
Не надеюсь я на это!
Проворчал
Топтыгин:
— Лето
Спит в своей берлоге
Где-то...
Конь заржал:
— А где карета?
Я сейчас
Доставлю лето!
— Лето, —
Зайцы мне сказали, —

Сергей Городецкий

Лето

Сядет в поезд на вокзале,
Потому что может лето
Ездить ЗАЙЦЕМ —
Без билета!

— Что ты мне подаришь, лето?
— Много солнечного света!
В небе раду-ду-гу!
И ромашки на лугу!
— Что ещё подаришь мне?
— Ключ, звенящий в тишине,
Сосны, клёны и дубы,
Землянику и грибы!

Агния Барто

Комары

Подарю тебе кукушку,
Чтобы, выйдя на опушку,
Ты погромче крикнул ей:
"Погадай мне поскорей!"
И она тебе в ответ
Нагадала много лет!

Всех разморило от жары.
В саду сейчас прохлада,
Но так кусают комары,
Что хоть беги из сада!

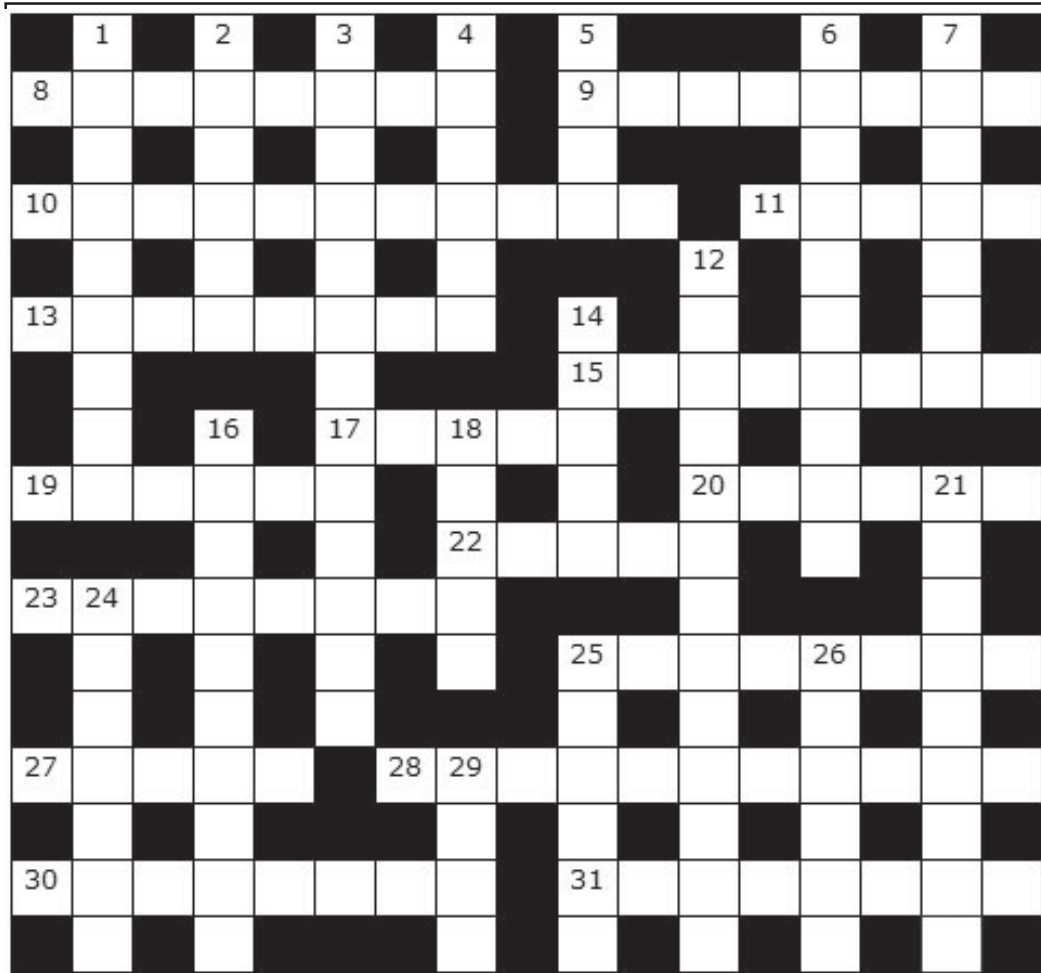
Марина, младшая сестра,
Воюет с комарами.

Упрямый нрав у комара,
Но у нее упрямей!

Она отгонит их рукой,
Они кружатся снова.
Она кричит: "Позор какой,
Напали на грудного!"

И видит мама из окна,
Как храбрая Марина
В саду сражается одна
С отрядом комариным.

Опять сидят два комара
У малыша на пальце!
Марина, храбрая сестра,
Хлоп по одеяльцу!

По горизонтали: 8. Прибор для измерения атмосферного давления. 9. Постыжение, освоение. 10. Город в Германии. 11. Время года. 13. Обеспеченность. 15. Всадник. 17. Опера Пьетро Масканы. 19. Мелкая морская промысловая рыба. 20. Платиновый металл. 22. Рыболовная нить. 23. Морская рыба отряда окунеобразных. 25. Морской моллюск. 27. Картофель, зажаренный в масле в виде очень тонких ломтиков. 28. Спортсмен. 30. Часть говяжьей туши. 31. Вид инкрустации.

По вертикали: 1. Духовой музыкальный инструмент. 2. Ортопедический пояс. 3. Литературный жанр. 4. Пращур. 5. Французский кутюрье, у которого учился Ив Сен-Лоран. 6. Наглец, нахал. 7. Грузинский смычковый музыкальный инструмент. 12. Профессия. 14. Объявление о спектакле. 16. Поблажка. 18. Женское имя. 21. Государство в Азии. 24. Посуда для гашения тлеющих углей. 25. Представитель народа, живущего на Кавказе. 26. Сверхштатный врач, временно прикомандированный к лечебному учреждению для повышения квалификации. 29. Небольшое углубление в чем-нибудь.

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 55

По горизонтали: 1. Зубоскал. 5. Фроттола. 9. Око. 10. Акри. 11. Гаер. 12. "Русалочка". 15. "Устой". 16. Шкура. 17. Урема. 20. Тропинин. 22. Фарингит. 24. Высотник. 26. Васнецов. 28.

Набат. 29. Стека. 30. Север. 34. Заправила. 36. Идея. 37. Фавн. 38. Мох. 39. Модистка. 40. Аутодафе.

По вертикали: 1. Златоуст. 2. Барс. 3. Колун. 4. Лоханкин. 5. Фонограф. 6. Опека. 7. Оман. 8. Аэронавт. 13. Компромат. 14. Оранжерея. 18. Юнона. 19. Арест. 21. Рцы. 23. Иго. 24. Венидиум. 25. Кутерьма. 26. Вековуха. 27. Ворчание. 31. Шалот. 32. Клодт. 33. Уезд. 35. Фата.

Все, кто имеет возможность помочь малоимущим людям, направляйте, пожалуйста, свои взносы по адресу:
Украина, 65023,
г. Одесса,
Приморский район,
ул. Нежинская, 77/79.
БФ "Хесед Шаарей Цион"
код ОКПО 34321888
р/с 26003321218601 АБ
"Пивденный"
г. Одесса МФО 328209

ВНИМАНИЕ !
При БФ "Хесед Шаарей Цион" продолжает работу
Общественная приемная,
куда можно обратиться с
жалобами, предложениями и
советами
по вторникам и пятницам
с 10.00 до 14.00
(ул. Нежинская, 77/79,
2-й этаж,
кабинет №227
"Волонтеры").

Улыбка

— Исаак дома?
— Он на даче...
— Как, он купил дачу?
— Нет, он на даче показаний.

— Господин Рабинович, я как работник таможи официально вас спрашиваю: откуда вы прибыли?
— Какие прибыли, что вы? Одни убытки...

— Прошу отвечать мне как следователю чистую правду: где вы взяли деньги на «Волгу»?
— У меня был «Москвич». Я его продал, немного одолжил и купил «Волгу».
— А где вы взяли деньги на «Москвич»?
— Был у меня «ИЖ», я его продал, немного одолжил и купил «Москвич».
— А где вы взяли деньги на «ИЖ»?
— У меня был велосипед. Я его продал, немного одолжил и купил «ИЖ».
— А где вы взяли деньги на велосипед?
— А за это я уже сидел.

— На допросе нельзя лгать! Вы понимаете?
— Еще бы!
— У вас есть дача?
— Так разве это плохо?
— У вас есть машина?
— Так разве это плохо?
— У вашей жены — норковая шуба?
— Так разве это плохо?
— Но ваша зарплата — всего восемьсот гривен!
— Так разве это хорошо?

— Миша, расскажи, как приготовить омлет по-еврейски?
— Для начала идем к соседу, занимаем у него три яйца, полстакана молока, ложку масла и щепотку соли...

— Эдик, посмотрите, какие мозолистые руки у твоего сына!
— Ну и что? Руки как руки.
— Да я не об этом. Твой сын совсем не хочет работать головой...

— Абрам, где ты достал себе такой костюм?
— В Париже...
— А это далеко от Бердичева?
— Ну, примерно, две тысячи километров будет.
— Подумать только! Такая глушь, а как шьют хорошо!

— Мне сказали, что ты мне изменяешь.
— Неправда!
— Да еще и с генералом.
— Ну, это уже совсем неправда!

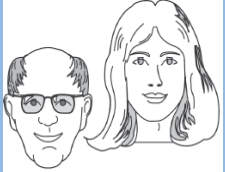
— Привет, старый козел!
— Вы знаете, с кем говорите?!
— С кем?
— С министром внутренних дел!
— А вы знаете, с кем говорите?
— Нет.
— Ну, и слава Богу!

— Где ты пропадал всю ночь?
— У Додика был.
— А что ты там делал?
— В шахматы играл.
— В шахматы! А пахнет от тебя водкой!
— А чем от меня, по-твоему, должно пахнуть? Шахматами?!

— Почему евреи всё время отвечают вопросом на вопрос?
— Ой, кто вам сказал такую чушь?!

ВНИМАНИЕ !

В Культурном центре Хесед работает Романтическая гостиная
"ЛЮБВИ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ".
Одиночество — не лучшее состояние человека.
Все, кто хочет приятно провести время,
познакомиться с интересными людьми,
найти друга или подругу, приходите к нам по средам в 16.30.
Справки по тел.: 737-40-13 и 755-67-38.

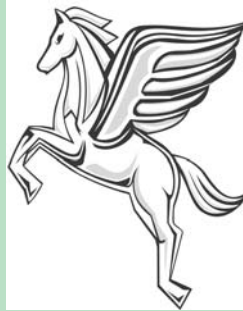
Литературная студия "Откровение"

приглашает поэтов.

В программе: основы стихосложения, творчество поэтов — классиков и современников, творческие вечера.

Заседания проводятся

в Культурном центре БФ "Хесед Шаарей Цион" по средам в 14.00.
Адрес: ул. Нежинская, 77/79

ВНИМАНИЕ!

Приглашаем клиентов Хесед в клуб любителей домино

"ДУБЛЬ ШЕСТЬ"

В программе — игры, соревнования, турниры.
Встречи в Культурном центре Хесед —
ул. Нежинская, 77/79,
по понедельникам с 16.00.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛАРОВ — КЛИЕНТОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

С 95-летием

Свидер Клару
Шнайман Евгению

С 90-летием

Бичуч Данилу
Горячковскую Полину
Гуревич Татьяну
Рикельман Гелю
Родина Александра
Танклевскую Таисию

С 85-летием

Барскую Елену
Весельницкую Малю
Вулкову Нину
Дунаевскую Зинаиду
Зайденварг Веру
Крамаровскую Аду
Орлик Тамару
Ройтмана Наума
Хенкину Нину

Школьник Розу
Шпитинецкую Розу
Юсима Григория

С 80-летием

Бернштейна Александра
Гутмана Аркадия
Живухина Юрия
Житомирскую Анну
Закс Анну
Калмыкову Тамару

Копу Елизавету
Кравчик Сулю
Левита Льва

Марголину Мартчелу
Маринич Лидию
Настенко Раису
Нудельмана Адольфа
Побережскую Розу
Чубак Зинаиду
Шапошникову Клару

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИМЕЧИЧЧИКОВ — ВОЛОЧТЕРОВ БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"

Антонюк Наталью
Друтман Берту
Колесник Галину
Переплетчика Евгения

Полонецкую Татьяну
Равель Людмилу
Ройтих Анну
Сафир Розу

Стасенко Евгению
Сушонную Людмилу
Чалкову Елизавету
Шимкову Алевтину
Яновскую Майю

Учредитель и издатель —
БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН" (г. Одесса)

Некоммерческое издание. Распространяется бесплатно.
Реклама и объявления публикуются бесплатно.
Индекс издания — 09720

Свидетельство о госрегистрации 1153-34-Р, серия ОД, выдано 7 июня 2006 г.
Отпечатано в Одесской типографии ООО "ВМВ", ул. Добровольского, 82-а
Тираж — 5500 экз. Зак. №

Главный редактор
Семен ВАЙНБЛАТ
Редакционная коллегия:
А. Кесельман,
А. Креймер, Ф. Мильштейн
Компьютерная верстка
И. Глаголевский

Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.
Переписка с читателями —
только на страницах газеты.
Редакция оставляет за собой право
редактировать
и сокращать присланные материалы.
Ответственность за точность
фактов несут авторы

Адрес редакции:
65023, Одесса, ул. Нежинская, 77/79
Почтовый адрес:
65045, Одесса, а/я 110
Тел.: 737-40-12
E-mail: hesed.odessa@gmail.com